С 44/248

Петру Николаевичу Прогеп. Дро
Отъ автора.
С 44/248
ФБ

О ВОЗНАГРАЖДЕНІИ

НЕВИННО

КЪ СУДУ УГОЛОВНОМУ ПРИВЛЕКАЕМЫХЪ

И. Я. Фойницкаго

Профессора С.-Петербургскаго университета, товарища оберъ-прокурора угол. касс. деп. сената.

Оправдаютъ тебя, и отпустятъ домой,
Окативши ушатомъ помой.

Некрасовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
1884.

44
248

О ВОЗНАГРАЖДЕНІИ

НЕВИННО

КЪ СУДУ УГОЛОВНОМУ ПРИВЛЕКАЕМЫХЪ

И. Я. Фойницкаго

Профессора С.-Петербургскаго университета, товарища оберъ-прокурора угол. касс. деп. сената.

Оправдаютъ тебя, и отпустятъ домой,
Окативши ушатомъ помой

Некрасовъ.

С.-Петербургъ.
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
1884.

Печатать разрѣшается 7 ноября 1883 года.

Деканъ Юридическаго Факультета *Ю. Янсонъ.*

Всесоюзная
Библиотека
имени
В. И. Ленина

ф 42042-39

ПАМЯТИ

ВЛАДИМІРА РОМАНОВИЧА

ЛИЦКАГО

съ благоговѣніемъ посвящаетъ

авторъ.

2007056023

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Вредъ, отъ привлеченія къ суду и наказанія невинныхъ происходящій.
II. Предупрежденіе его.
III. Вознагражденіе частное. Отвѣтственность частныхъ лицъ. Отвѣтственность должностныхъ лицъ.
IV. Исторія идеи государственнаго вознагражденія.
V. Идеальное государственное вознагражденіе.
VI. Матерьяльное государственное вознагражденіе невинно наказанныхъ.
VII. Матерьяльное государственное вознагражденіе невинно къ суду привлеченныхъ. Ошибочныя аналогіи.
VIII. Доказательства въ пользу его, какъ государственнаго пособія нуждающимся. Анализъ возраженій.
IX. Личныя условія такого пособія. Невинность по обвиненію. Невинность процесуальная. Нужда.
X. Объемъ вреда, подлежащаго вознагражденію. Размѣръ пособія.
XI. Порядокъ опредѣленія пособій.
XII. Возможность доставленія пособій со стороны финансовой. Заключеніе.

A. 19.

Pufendorff, Le droit de la nature et de gens, Amsterdam, 1712 (изданіе Barbeyrac'a), т. II стр. 373.

Brissot de Warville, Le sang innocent vengé, ou discours sur les réparations dues aux accusés innocents, couronné par l'academie des sciences et bell s-lettres de Chalons-sur Marne, le 25 août 1781 (перепечатано въ сочиненіи Brissot, Théorie des lois criminelles, Paris 1836, т. 2 стр. 305—372).

Pastoret, Des lois pénales, Paris 1790, т. 2 ч. 4 стр. 116 и слѣд.

Bentham, Principles of penal Law, изд. Bowring'a 1843 г., vol. I.

Verhandlungen der deutschen Juristentage: XI т. I (рефераты Вальберга, Ульмана и Фалерта) и т. 2 стр. 170—208 (пренія); XII т. I стр. 46 (рефератъ Ниссена), т. 2 стр. 329 (рефератъ Кэстлина) и т. 3 стр. 116—153, 308—313 (пренія); XIII т. 2 стр. 259—297, 429, 430.

Heinze, Das Recht der Untersuchungshaft, Leipzig 1865.

Zucker, die Untersuchungshaft, III Abt. Prag 1879, стр. 134—147.

Geyer, въ Nord und Süd, XVIII стр. 167—184; въ Deutsche Zeit und Streit-Fragen. № 169 (über die den unschuldig angeklagten oder Verurtheilten gebührende Entschädigung), Berlin 1882; въ Gerichtsaal, т. 34 стр. 321—342.

Ullmann, въ Gerichtssaal, т. 27 стр. 81—92.

Schwarze, въ Gerichtssaal, т. 34 стр. 100—145.

Kronecker, die Entschädigung unschuldig Verhafteter, Berlin, 1883.

Совѣтъ с.-петербургскаго юридическаго общества почтилъ меня лестнымъ приглашеніемъ произнести рѣчь въ собраніи, посвященномъ празднованію шестой годовщины общества. Всего болѣе достойнымъ вниманія моихъ уважаемыхъ слушателей, собравшихся 20 февраля, я нашелъ вопросъ о вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлекаемыхъ, который занимаетъ уже лучшіе русскіе умы. На него откликнулись уже нашъ народный поэтъ и нашъ симпатичный труженикъ — сенаторъ, оба сошедшіе въ могилу! Указанія на него слышатся со скамьи рускихъ присяжныхъ засѣдателей и съ трибуны адвокатской. Русская мысль уже поставила себѣ этотъ вопросъ и пытливо ищетъ отвѣта на него. Юридическая техника, думалъ я, должна поторопиться придти на помощь столь настоятельному запросу со стороны общества изыскавъ пути и порядокъ наиболѣе благопріятнаго рѣшенія этой важной проблемы современности.

I.

Тяжелый вредъ испытываетъ лице, невинно наказываемое. Переносимыя имъ душевныя страданія, сопровождающій его позоръ общественный, образуютъ идеальную сторону такого вреда, составляющую обычный спутникъ неправильныхъ судебныхъ приговоровъ. Но, кромѣ того, вредъ отъ наказанія можетъ выражаться и въ матерьяльной формѣ, въ сокращеніи имущественной сферы наказываемаго; такой матерьяль-

ный вредъ бываетъ или ущербомъ (damnum emergens), доказать который въ данномъ случаѣ очень трудно, или убытками (lucrum cessans), прямо или косвенно происшедшими отъ факта наказанія: потеря заработка, разстройство хозяйства и т. под.

Но не только окончательный судебный приговоръ имѣетъ способность причинять вредъ: то-же свойство, несмотря на всѣ послѣдовавшія улучшенія въ законодательствахъ и практикѣ, принадлежитъ и болѣе раннимъ актамъ судебно-уголовной дѣятельности. Въ большей или меньшей степени, всякое привлеченіе къ суду, особенно же если оно обращается къ столь рѣшительнымъ мѣрамъ принужденія, какъ подслѣдственное задержаніе, создаетъ на сторонѣ привлекаемаго къ суду и вредъ идеальный, нравственный, и даже вредъ имущественный. Съ подсудимостью и законъ, и еще болѣе общественное мнѣніе, соединяютъ до сихъ поръ весьма невыгодныя для подсудимаго послѣдствія, и порою достаточно побывать на скамьѣ подсудимыхъ, чтобы безповоротно утратить прежнія средства существованія и прежнее общественное положеніе. Въ другихъ случаяхъ послѣдствія не столь тяжелы, но безъ риска ошибиться можно сказать, что эта скамья на всѣхъ на ней посидѣвшихъ оставляетъ частичку позора и невыгодныхъ экономическихъ послѣдствій.

Если, такимъ образомъ, наличность вреда, какъ возможнаго послѣдствія привлеченія къ суду, едва ли можетъ быть оспориваема, то настолько-же внѣ сомнѣнія стоитъ и возможность привлеченія къ суду, и даже наказанія по судебному приговору, такихъ лицъ, которыя оказываются невинными. Примѣрами судебныхъ ошибокъ, къ сожалѣнію, богаты хроники уголовныхъ трибуналовъ всѣхъ странъ міра. Неизбѣжность ихъ лежитъ въ несовершенствѣ человѣческихъ средствъ распознаванія истины и въ необходимости судебной дѣятельности, которая должна совершаться по возможности быстро. Ей указаны довольно тѣсные предѣлы во времени и пространствѣ, въ объемѣ матерьяла и въ способахъ какъ полученія, такъ и изслѣдованія его; при существованіи этихъ предѣловъ, вѣроятность ошибки перестаетъ быть простою случайностью и

становится достовѣрностью, которая должна быть принята во вниманіе при организаціи общественныхъ отношеній.

Разсматриваемый съ правовой точки зрѣнія, фактъ вреда порождаетъ двѣ идеи: идею *предупрежденія* и идею *вознагражденія*. Одна требуетъ совершеннаго предотвращенія вреда, или, по крайней мѣрѣ, наибольшей умѣренности въ причиненіи его. Другая направляется къ устраненію послѣдствій вреда причиненнаго. Приложимость этихъ идей, преимущественно же послѣдней изъ нихъ, къ факту вреда, отъ привлеченія къ суду невиннымъ проистекающаго, составляетъ задачу настоящаго изслѣдованія.

II.

Выше замѣчено, что ошибка неизбѣжно сопровождаетъ судебную дѣятельность. Но это—печальная, отнюдь не желательная неизбѣжность, и всѣ мѣры, направленныя на возможное ограниченіе ея, составляютъ предметъ важнѣйшихъ заботъ и науки права, и законодательства.

Огромную важность имѣютъ онѣ и въ области интересующаго насъ вопроса. Устранить послѣдствія вреда, причиненнаго привлеченіемъ невиннаго къ суду уголовному, въ большей части случаевъ невозможно. Нѣтъ той цѣнности, которая могла бы выкупить душевныя страданія, начавшіяся для человѣка послѣ того, какъ за нимъ закрылись тюремные запоры; позоръ судимости, отчаяніе семьи привлеченнаго къ суду, душевныя тревоги его близкихъ и его самого, никогда и ничѣмъ не могутъ быть вполнѣ искуплены. Оттого-то мѣры вознагражденія за вредъ, отъ привлеченія къ суду проистекающій, всегда будутъ недостаточны, всегда останется нѣчто, ими неискупленное; оттого-же мѣры предупрежденія такого вреда получаютъ здѣсь крайне важное значеніе.

Въ пріисканіи такихъ мѣръ и состоитъ задача процесуальныхъ улучшеній. Много уже сдѣлано по этому вопросу состоявшимися реформами, частью для предупрежденія неправильныхъ приговоровъ, частью для возможнаго сокращенія объема вреда, отъ привлеченія къ суду проистекающаго.

Такъ, всякое улучшеніе уголовнаго процеса имѣетъ своею задачею возможное обезпеченіе правильности судебнаго приговора. Этому дѣлу служатъ: гласность и устность суда, независимость судей, допущеніе сторонъ въ судебно-уголовное производство и предоставленіе имъ равноправности передъ судомъ, процесъ пересмотра судебныхъ рѣшеній и т. под. Каждая изъ этихъ мѣръ имѣетъ въ виду правильность суда, и несомнѣнно, что совокупностью ихъ вѣроятность неправильнаго приговора, осуждающаго невиннаго, значительно уменьшается. При томъ, не только вѣроятность окончательнаго приговора, но даже вѣроятность самого привлеченія къ суду, надлежащимъ образомъ функціонирующему, неосновательныя обвиненія найдутъ доступъ въ несравненно меньшей степени, чѣмъ къ трибуналу произвола, дѣйствующему въ четырехъ стѣнахъ канцеляріи и безъ участія сторонъ.

Помимо этого, цѣлый рядъ правилъ, составляющихъ характеристическую черту новаго судебнаго порядка, стремится къ возможно большему смягченію тѣхъ мѣропріятій, которыя принимаются противъ подсудимаго до осужденія его. Пытка и все на нее намекающее, отмѣнены; условія привлеченія къ суду точно указываются въ законодательствѣ; тоже стремленіе къ точности замѣчается въ указаніи условій примѣненія отдѣльныхъ мѣръ слѣдственнаго принужденія, напр. привода, личнаго задержанія и т. под.; законодатель стремится въ самомъ обществѣ расшатать взглядъ на привлеченіе къ суду какъ на нѣчто позорное, избѣгая давать позорящія названія мѣстамъ подслѣдственнаго заключенія, предоставляя заключеннымъ въ нихъ права, въ которыхъ онъ отказываетъ наказываемымъ. Все это, въ совокупности, значительно умеьшаетъ идеальный вредъ, отъ привлеченія къ суду происходящій, устаповляя раздѣльность между судимостью и карой, и устраняя отъ первой тотъ позоръ, который сопровождаетъ вторую.

Несмотря, однако, на всѣ эти улучшенія, случаи осужденія невинныхъ продолжаютъ заноситься въ судебныя хроники и самое привлеченіе къ суду остается еще крайне тя-

желымъ лишеніемъ для привлекаемаго. Вполнѣ предупредить вредъ, нась интересующій, оказывается невозможнымъ. Для идеи вознагражденія за него остается еще весьма достаточное мѣсто.

III.

Въ ранніе эпохи исторіи процесса, проникнутые идеями состязательности, всего естественнѣе было обязанность вознагражденія возложить на отдѣльныхъ лицъ, по винѣ которыхъ состоялось привлеченіе къ суду или даже наказаніе невиннаго. Въ такой постановкѣ, разсматриваемая обязанность получаетъ характеръ *личной* отвѣтственности виновнаго передъ потерпѣвшимъ, которая мыслима въ двухъ формахъ: а) какъ отвѣтственность частнаго лица, и б) какъ отвѣтственность должностныхъ лицъ.

Частныя лица, отъ вины которыхъ можетъ произойти вредъ привлеченія къ суду, суть: обвинитель, доноситель и свидѣтели.

Строго состязательный процесъ, переходящій въ исковой [1]), возлагаетъ на обвинителя, при неудачномъ для него исходѣ дѣла, отвѣтственность по тѣмъ же началамъ, какъ на истца процесъ гражданскій. Свойственная человѣческому уму идея уравненія, побуждала его даже грозить обвинителю, на случай неудачи, весьма тяжкими личными лишеніями, иногда по правиламъ тальона. Но по мѣрѣ того, какъ въ уголовный процесъ проникаетъ публичное начало, кладущее рѣзкую грань между уголовнымъ и гражданскимъ производствомъ, такое перенесеніе правилъ гражданско-процессуальной отвѣтственности на уголовныхъ обвинителей, становится невозможнымъ. Государственный интересъ наказанія виновныхъ требуетъ, чтобы частныя лица по возможности охотно принимали на себя обязанности обвинителя; для этого необходимо возможное

[1] Исковая форма соотвѣтствуетъ частному началу гражданскаго процеса; построенный на публичномъ началѣ процесъ уголовный можетъ представлять или смѣшеніе процессуальныхъ функцій, или раздѣленіе ихъ; въ первомъ случаѣ, форма его слѣдственная, розыскная, во второмъ —состязательная, обвинительная.

ограниченіе риска отвѣтственности, сведеніемъ ея къ предѣламъ вины, доказанной на сторонѣ обвинителя. Этимъ соображеніемъ руководится и наше законодательство, предлагающее правила объ отвѣтственности частныхъ лицъ какъ въ законахъ гражданскихъ (ст. 614, 665 т. X ч. 1 св. зак.), такъ и въ уставѣ уголовнаго судопроизводства (ст. 32, 121, 780—783).

По законамъ гражданскимъ, отвѣтственность условливается доказанною по суду уголовному виновностью въ преступленіи или проступкѣ, причинившемъ вредъ и убытки. Правило это одинаково для всѣхъ частныхъ лицъ, отъ дѣяній коихъ произошелъ вредъ, въ какомъ бы качествѣ въ процесѣ они ни фигурировали. Уставъ 20 ноября дополняетъ его, замѣняя условіе уголовной вины условіемъ недобросовѣстности, а для доносителя, т. е. лица, отъ преступленія не потерпѣвшаго и доводящаго о немъ до свѣдѣнія власти, уставъ создаетъ отвѣтственность даже при условіи неосмотрительности. Предѣлы отвѣтственности въ уставѣ, такимъ образомъ, намѣчаются гораздо шире, и для рѣшенія этого вопроса вводится процедура, несравненно болѣе быстрая. Но понятіе „недобросовѣстности“, впервые введенное уставомъ, не получило въ немъ достаточной опредѣлительности, что дало судебной практикѣ поводъ къ черезъ-чуръ узкому его толкованію. Особенно неумѣстно переносить на это новое въ нашемъ правѣ понятіе, остатки устарѣвшей теоріи формальныхъ доказательствъ, лишь по недосмотру сохранившіеся въ ст. 941 улож. о наказ. относительно ложнаго доноса [1]). Нельзя признать правильнымъ и стремленіе судебной практики опредѣлить понятіе недобросовѣстности тѣми признаками, которые требуются закономъ для понятія ложнаго доноса: послѣдній есть преступленіе, строго караемое, первая-же есть дѣятельность, вызывающая только гражданско-правовыя послѣд-

[1]) Ст. 941 улож. Донось не признается ложнымъ и сдѣлавшій его не подвергается наказанію, когда въ разныхъ судахъ были различные о справедливости или несправедливости извѣта приговоры.

ствія. Ложный донось есть завѣдомо лживое обвиненіе человѣка передъ органами судебной власти въ наказуемомъ дѣяніи; недобросовѣстность обвиненія есть понятіе, несравненно болѣе широкое. Законъ (ст. 782 уст. уг. суд.) относитъ къ нему не только искаженіе обстоятельствъ происшествія, не только дачу ложныхъ показаній и подговоръ къ тому другихъ, но и всякое употребленіе обвинителемъ иныхъ незаконныхъ или *предосудительныхъ* средствъ. Оно можетъ относиться или къ содержанію обвиненія, подобно ложному доносу, или къ мотивамъ его, или, наконецъ, къ тѣмъ способамъ, которые были выбраны обвинителемъ; недобросовѣстнымъ можетъ быть и обвиненіе, которое обвинитель предполагалъ правильнымъ, если для поддержанія его онъ прибѣгнулъ къ предосудительнымъ средствамъ или предъявилъ его по предосудительнымъ мотивамъ, не имѣя въ своихъ рукахъ достаточныхъ данныхъ виновности обвиняемаго. Это новое понятіе нашего законодательства можно сблизить съ древнимъ запрещеніемъ русскаго права, относившимся къ людямъ, которые, поклепомъ предъявляя большіе иски, мирятся на малыхъ суммахъ. Въ толкованіи его желательно видѣть какъ можно меньше формализма, такъ чтобы отвѣтственность обвинителя передъ обвиняемымъ была въ дѣйствительности не рѣдкимъ исключеніемъ, а общимъ правиломъ, непримѣнимымъ тогда лишь, если обвинитель докажетъ, что возбужденное имъ уголовное преслѣдованіе хотя и оказалось несостоятельнымъ, но было имъ предъявлено и ведено добросовѣстно.

Отмѣтимъ наконецъ и крайнюю шаткость нашей судебной практики по вопросу объ уголовной отвѣтственности недобросовѣстнаго обвинителя. Въ началѣ кассаціонная практика держалась того взгляда, что оправданный подсудимый имѣетъ право преслѣдовать обвинителя, признаннаго недобросовѣстнымъ, искомъ о клеветѣ; затѣмъ, съ рѣшенія 1875 года, по дѣлу Сизаго (№ 572), установляется иной взглядъ, по которому недобросовѣстные обвинители могутъ подлежать уголовному преслѣдованію не иначе какъ по закону о ложномъ

доносѣ, въ порядкѣ публичнаго обвиненія; впрочемъ и послѣ этого появлялись рѣшенія, высказывавшіяся за болѣе ранній взглядъ (1875 по дѣлу Шарова, 1875 № 660 по дѣлу Векустинскаго и др.). Едва ли, *во первыхъ*, можетъ подлежать сомнѣнію, что преслѣдованіе обвинителя въ уголовномъ порядкѣ, можетъ имѣть мѣсто и безъ предварительнаго признанія его судомъ за обвинителя недобросовѣстнаго: ни законы о клеветѣ, ни законы о ложномъ доносѣ, не вводятъ этого требованія; вопросъ о недобросовѣстности въ уголовномъ процессѣ поднимается обыкновенно подсудимымъ, которому въ моментъ разбирательства его дѣла важно очиститься отъ подозрѣнія, и этимъ главнымъ интересомъ покрываются всѣ прочіе, какъ второстепенные; за заботой объ оправданіи себя, находясь въ тяжеломъ душевномъ положеніи, онъ можетъ и не вспомнить о принадлежащемъ ему правѣ требовать признаніе обвиненія недобросовѣстнымъ; отъ этаго, конечно, не можетъ уничтожаться преступность дѣйствій обвинителя, законы уголовные нарушившаго. *Во вторыхъ*, въ лживомъ, недобросовѣстномъ обвиненіи заключаются два нарушенія: нарушеніе частнаго права обвиняемаго и нарушеніе публичнаго права государственнаго, преступленіе противъ судебной его власти. Оно представляется преступленіемъ противъ личной чести, осложненнымъ квалифицирующимъ вину обстоятельствомъ учиненія дѣянія передъ лицемъ судебной власти. Согласно такой юридической природѣ лживаго обвиненія, основнымъ, главнѣйшимъ предметомъ его долженъ быть признанъ частный интересъ, которому не можетъ быть отказано въ защитѣ подъ тѣмъ лишь предлогомъ, что виновный вмѣстѣ съ тѣмъ нарушилъ и интересъ публичный. Между тѣмъ, рѣшеніе по дѣлу Сизаго, запрещающее преслѣдованіе лживаго обвинителя по законамъ о клеветѣ, дѣлаетъ такіе отказы неизбѣжными сплошь и рядомъ. Въ лживомъ обвиненіи можетъ не быть всѣхъ признаковъ ложнаго доноса, напр. по содержанію обвиненія, въ разныхъ судахъ могли состояться различные приговоры; и, тѣмъ не менѣе, дѣяніе можетъ отвѣчать всѣмъ требованіямъ клеветы, какъ завѣдомо ложнаго

обвиненія въ поступкѣ, противномъ правиламъ чести. А очевидно, то лишь обстоятельство, что клевета учинена передъ лицемъ судебной власти, не можетъ превращать ее въ дѣяніе безразличное, непаказуемое. По всѣмъ приведеннымъ соображеніямъ необходимо признать, что преслѣдованіе за ложное передъ судомъ обвиненіе допускается независимо отъ того, было или нѣтъ такое обвиненіе признано недобросовѣстнымъ, причемъ преслѣдованіе это, по усмотрѣнію потерпѣвшаго, можетъ основываться или на законахъ о клеветѣ, или на законахъ о ложномъ доносѣ, а не исключительно на послѣднихъ.

Гражданскіе законы даютъ право иска всякому лицу, понесшему вредъ или убытки отъ противозаконнаго задержанія; уставъ уголовнаго судопроизводства говоритъ только объ оправданномъ. Но едва ли желательно толковать, какъ поступаетъ сенатская практика (к. р. 1875 № 660 по дѣлу Векустинскаго), это выраженіе ограничительно, буквально, понимая подъ нимъ только лицъ, о которыхъ состоится оправдательный по существу дѣла судебный приговоръ. Во первыхъ, рѣчь въ данномъ случаѣ идетъ о недобросовѣстномъ или противозаконномъ привлеченіи къ суду, вознагражденіе за которое по праву должно принадлежать потерпѣвшему и тогда, когда дѣло оканчивается освобожденіемъ его отъ суда, напр. вслѣдствіе давности, примиренія, помилованія; лице, примирившееся со своимъ обидчикомъ и несмотря на то привлекающее его къ суду, очевидно въ такой же мѣрѣ неправильно нарушаетъ гражданскіе интересы привлекаемаго, какъ и лице, взводящее обвиненіе на совершенно къ дѣлу непричастнаго. Между тѣмъ, при ограничительномъ толкованіи ст. 780 и слѣдующихъ устава, всѣ такіе случаи нельзя было бы обнимать правилами ихъ. Во вторыхъ, если дѣло прекращается по судебному опредѣленію, но безъ приговора, то тѣмъ самымъ установляется, что обвиненіе столь несостоятельно, что для устраненія его даже нѣтъ надобности въ подробномъ судебномъ изслѣдованіи дѣла; но странно было бы ставить въ болѣе привиллегированное положеніе обвинителей,

предъявляющихъ наиболѣе неосновательныя обвиненія, за то только, что неосновательность ихъ обнаружилась раньше суда. Нельзя, впрочемъ, не сознаться, что въ пользу ограничительнаго толкованія сената существуетъ сильный аргументъ, лежащій въ буквѣ закона; ст. 780 и слѣдующія устава помѣщены въ главѣ его, названной „о порядкѣ постановленія и объявленія приговоровъ“, и ничего подобнаго имъ не содержится въ постановленіяхъ о предварительномъ слѣдствіи или преданіи суду. Этотъ доводъ весьма важенъ, но абсолютная сила за нимъ едва ли можетъ быть признана. Вѣдь постановленія о мѣрахъ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда помѣщены нашимъ уставомъ въ раздѣлѣ „о предварительномъ слѣдствіи“, а между тѣмъ мѣры эти примѣнимы и по окончаніи предварительнаго слѣдствія. Ст. 302—305 уст. уг. суд. содержатъ въ себѣ рядъ весьма важныхъ правилъ, примѣнимыхъ и къ дѣламъ, по которымъ предварительнаго слѣдствія не производится. Жалобы на дѣйствія судебнаго слѣдователя, какъ разъяснено и сенатомъ, приносятся и разсматриваются въ порядкѣ, ст. 491—509 уст. уг. суд. опредѣленномъ, и тогда, когда по дѣлу состоялось уже преданіе суду или когда дѣло находится въ палатѣ, въ качествѣ обвинительной камеры. Эти и многіе другіе случаи, которые могли бы быть приведены нами, доказываютъ съ очевидностью, что систематическое толкованіе, къ уставу уголовнаго судопроизводства, страдающему отсутствіемъ правильной системы, было бы весьма опасно примѣнять во всей его строгости, и что потому, постановленія, въ ст. 780—784 содержащіяся, могутъ имѣть мѣсто и независимо отъ оправдательнаго приговора. Во всякомъ случаѣ желательно, чтобы право признанія обвинителя недобросовѣстнымъ принадлежало не только суду при окончательномъ разборѣ дѣла, но также обвинительной камерѣ и даже судебному слѣдователю.

Обвинитель и свидѣтели отвѣчаютъ за вредъ, отъ привлеченія къ суду происходящій, при условіи доказанной на судѣ уголовной вины или недобросовѣстности; рамки отвѣт-

ственности доносителя, т. е. лица, отъ преступленія не потерпѣвшаго, нѣсколько шире: онъ отвѣчаетъ и за неосмотрительность; „нѣтъ никакого основанія, замѣчали составители судебныхъ уставовъ, освобождать *въ какомъ бы то ни было случаѣ* частнаго доносителя отъ обязанности вознаградить оправданнаго подсудимаго за вредъ и убытки, причиненные возбужденіемъ противъ него уголовнаго преслѣдованія".

Переходимъ затѣмъ къ отвѣтственности *должностныхъ* лицъ. Существенное различіе по этому вопросу представляютъ системы англійская и континентальная.

По англійскому праву, должностныя лица, выступающія въ процесѣ въ качествѣ обвинителя или полицейскаго чиновника, подвергаются отвѣтственности въ весьма широкомъ размѣрѣ; формы ея примѣненія двояки: или, во первыхъ, судъ назначаетъ ее при постановленіи оправдательнаго приговора по уголовному дѣлу: или, во вторыхъ, она осуществляется въ порядкѣ особаго гражданскаго процесса. Только въ сравнительно новое время появились попытки установить предѣлы такой отвѣтственности. Статутъ Георга II (6 Geo. 2 cap. 44) опредѣлялъ, что констебли не отвѣчаютъ за дѣйствія, совершенныя во исполненіе судебнаго приказа (warrant) и вполнѣ съ нимъ согласныя. Статутомъ лорда Сельборна 1873 года, который ввелъ въ Англіи государственныхъ обвинителей (director of public prosecution), отвѣтственность ихъ передъ обвиняемыми ограничена условіемъ доказанной ихъ вины.

Должностныя лица, фигурирующія въ процесѣ въ качествѣ судей, по англійскому праву равнымъ образомъ несутъ отвѣтственность за вредъ, происшедшій отъ неправильнаго назначенія мѣръ судебнаго принужденія. Законодательство и практика по этому предмету, ограждая судей отъ неосновательныхъ исковъ, которые могли бы лишить ихъ возможности отправлять судебныя функціи, вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ частнымъ лицамъ обширную защиту противъ недобросовѣстныхъ дѣйствій судей. Въ виду этого, отвѣтственность судей различается смотря по тому, вытекаетъ ли она изъ распоряженій, входящихъ въ ихъ юрисдикцію (within their jurisdiction), или выхо-

дящихъ за ея предѣлы (without jurisdiction). Въ первомъ случаѣ судьи отвѣтственны лишь за дѣйствія, учиненныя злоумышленно, безъ разумнаго и достаточнаго основанія (maliciously and without reasonable and probable cause); во второмъ случаѣ судья отвѣчаетъ за всякое дѣйствіе, причинившее вредъ. По толкованію мѣстной практики, различіе отвѣтственности условливается не тѣмъ, имѣлъ-ли судья общую юрисдикцію по данному роду дѣлъ, а тѣмъ, принадлежала-ли ему специальная юрисдикція по данному дѣлу, право принятія данной мѣры относительно опредѣленнаго лица. Такъ, признаны отвѣтственными по неимѣнію юрисдикціи: судья, который, не выслушавъ лично обвинителя, по дѣлу о тѣлесномъ поврежденіи, ему подсудномъ, подписалъ приказъ о задержаніи обвиняемаго для представленія ему отвѣта; судьи, по словесному распоряженію которыхъ былъ задержанъ обвиняемый, вслѣдствіе того, что они забыли подписать приказъ о задержаніи. Къ этой же категоріи отнесены слѣдующіе случаи, заимствуемые нами изъ Палея. [1])

„Судья не имѣетъ права задержать лице, хорошо ему извѣстное, для отвѣта по словесному обвиненію въ нарушеніи (misdemeanor) безъ производства правильнаго изслѣдованія. Въ одномъ случаѣ, частное лице добровольно находилось въ камерѣ; когда оно пожелало удалиться, то судьи остановили его, сказавъ, что у суда имѣется дѣло о немъ, подлежащее разсмотрѣнію: такимъ образомъ оно было задержано на 20 минутъ, но какъ только обвиненіе было формулировано, то оказалось, что оно имѣетъ предметомъ своимъ незначительное нарушеніе (misdemeanor), [2]) а потому обвиняемому предоставлено было удалиться; по принесеніи имъ присяги, лордъ Тентердень высказался, что судьи должны отвѣчать за насиліе и противозаконное задержаніе, ибо прежде чѣмъ сдѣлать свое распоряженіе они должны были ознако-

[1]) Paley Law and Practice of summary convictions. London. 1866, стр. 450 и слѣд.

[2]) За misdemeanors подслѣдст ешаго задержанія неполагается.

миться съ обвиненіемъ, въ надлежащей формѣ предъявленнымъ".

„Равнымъ образомъ, судья не имѣетъ права задерживати кого либо за нарушеніе мира, кромѣ только лично имъ видѣннаго, иначе какъ выслушавъ въ установленной формѣ доказательства обвиненія. Поэтому, отвѣтственнымъ за убытки былъ признанъ судья, который, встрѣтивъ на улицѣ констебля, ведущаго къ нему пьянаго, приказалъ задержать его до завтра въ полицейскомъ помѣщеніи; при разсмотрѣніи этого случая было признано, что судья или долженъ былъ воротиться въ камеру и выслушать констебля, или же вовсе не вмѣшиваться въ это дѣло, предоставивъ констеблю обратиться къ другому судьѣ".

„По одному изъ статутовъ Георга III опредѣлены взысканія съ содержателей и кучеровъ публичныхъ каретъ за неправильную ѣзду, причемъ прибавлено, что тѣмъ же взысканіямъ подвергается кучеръ, который откажется назвать свое имя или имя и адресъ содержателя. Случилось, что одинъ изъ кучеровъ совершилъ проступокъ, предусмотрѣнный этимъ статутомъ, въ присутствіи мироваго судьи, и для того, чтобъ скрыть имя хозяина, закрылъ своимъ тѣломъ номеръ кареты; тогда судья остановилъ лошадей, собственноручно стащивъ кучера съ его мѣста, и такимъ образомъ узналъ номеръ кареты; двѣстѣ судьи признаны были вредоносными, дающими право иска".

Съ такимъ ригоризмомъ проводится въ англійской практикѣ правило объ отвѣтственности судей. На предъявленіе къ нимъ иска установленъ 6-ти мѣсячный срокъ, за мѣсяцъ до истеченія котораго судьѣ должна быть представлена замѣтка о предполагаемомъ предъявленіи иска, съ означеніемъ истца, его повѣреннаго и того суда, въ который искъ предъявляется. Мировымъ судьямъ предоставлено возражать противъ разсмотрѣнія иска въ судѣ графства (County Court), и тогда онъ можетъ слушаться лишь въ Вестминстерѣ. Отвѣтственность распространяется на весь вредъ и всѣ убытки,

составляющіе естественное послѣдствіе состоявшагося распоряженія.

Совершенную противоположность англійскому процессу составляетъ французскій, гдѣ, подъ вліяніемъ широкаго развитія инквизиціонныхъ началъ, отвѣтственность за привлеченіе къ суду должностныхъ лицъ вообще и судей въ частности имѣетъ крайне тѣсныя границы. Такъ, prise à partie судей по французскому уставу гражданскаго судопроизводства (art 505) допускается только: 1) въ случаѣ злаго умысла, обмана или вымогательства при производствѣ слѣдствія или при постановленіи рѣшенія; 2) въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ случаяхъ, именно означенныхъ буквою закона, или 3) въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ особо оговариваетъ отвѣтственность судей съ возложеніемъ на нихъ вреда и убытковъ; и 4) въ случаѣ отказа въ правосудіи. Неосновательность задержанія, примѣненнаго въ порядкѣ уголовнаго процеса, не принадлежитъ, по французскому законодательству, къ числу случаевъ, дающихъ право иска [1]).

Въ германскихъ законодательствахъ, судьи признаются отвѣтственными за всякій вредъ, причиненный ихъ противозаконными по службѣ дѣйствіями. Въ одномъ изъ нихъ, саксонскомъ, существовало даже спеціальное правило объ имущественной отвѣтственности судей за неправильное задержаніе. Но, по свидѣтельству Фоллерта, въ теченіи 23 лѣтъ своего существованія оно не было примѣнено ни разу: толкованіе этого правила было далеко отъ англійскаго ригоризма, и отвѣтственность признавалась неимѣющею мѣста не только тогда, когда судья могъ доказать право примѣненія такой мѣры въ опредѣленномъ дѣлѣ, но во всѣхъ случаяхъ существованія на сторонѣ его общаго права примѣненія такой мѣры.

Тѣ же черты замѣчаются и у насъ. Прежнее законодательство наше ограничивало отвѣтственность судей условіемъ доказанной на судѣ уголовной ихъ вины; оставленіе въ по-

[1]) Helié, Traité, IV, стр. 95 и слѣд.

дозрѣніи было недостаточно [1]). Уставы 20 ноября распространили отвѣтственность на всякую недобросовѣстность должностныхъ лицъ, но и въ этомъ, болѣе широкомъ объемѣ, право иска къ нимъ имѣютъ по буквѣ закона только подсудимые *оправданные*, и притомъ, искъ ведется въ особомъ порядкѣ, весьма льготномъ для отвѣтчика. До какой степени мало, по прежнему законодательству, можно было расчитывать на признаніе судей отвѣтственными даже за неправильное задержаніе, показываетъ слѣдующій случай изъ нашей прежней практики. Кролевецкій уѣздный судъ, въ качествѣ суда гражданскаго, распорядился о задержаніи подъ стражею отвѣтчика Тесленко, подъ предлогомъ дерзкихъ отвѣтовъ и неприличнаго передъ судомъ поведенія. Общее собраніе сената, признавъ, что распоряженіе о задержаніи Тесленко сдѣлано было не въ порядкѣ, установленномъ для сего въ законахъ, нашло, однако, что при этомъ „слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то, въ чемъ именно заключалось нарушеніе означеннаго порядка. Въ семъ отношеніи соображеніе обстоятельствъ настоящаго дѣла съ 209 ст. 2 ч. X т. показываетъ, что преступленіе Тесленко (замѣтимъ, вовсе небывшее предметомъ изслѣдованія въ порядкѣ суда уголовнаго), какъ заключавшееся въ обманѣ Соломки (истца), при заключеніи мироваго акта, по производящейся между ними гражданской тяжбѣ, относится къ числу тѣхъ, указываемыхъ означенною статьею, обстоятельствъ, которыя, какъ открывшіяся во время производства гражданскаго дѣла, хотя и подлежатъ суду уголовному, но не прежде однакоже, какъ по совершеніи въ послѣдней инстанціи окончаніи суда гражданскаго. Но гражданское дѣло Тесленко съ Соломкою производилось въ томъ же уѣздномъ судѣ, который, какъ судъ уголовный, сдѣлалъ распоряженіе о допросѣ и арестованіи Тесленко: слѣдовательно, *право уѣзднаго суда на это распоряженіе*, какъ учрежденія, совмѣщавшаго въ себѣ судъ и уголовный и гражданскій, *существовало*, и

---

[1]) *Ратьковъ Рожновъ*, Сборникъ рѣшеній общаго собранія первыхъ 3 департаментовъ, т. IV стр. 721.

засимъ, вина уѣзднаго суда заключалась только въ томъ, что онъ возбудилъ вопросъ и началъ судъ о преступленіи, возникшемъ изъ дѣла гражданскаго, преждевременно, т. е. прежде чѣмъ былъ совершенно окончень судъ гражданскій, каковую вину точно также нельзя безусловно подводить подъ 390 ст. улож. о наказ. (изд. 1857 г., 348 изд. 1866 г.), говорящую о случаяхъ арестованія безъ всякаго на то права [1]).“

Но прежнее законодательство по интересующему насъ вопросу представляло и нѣкоторыя преимущества передъ новымъ, реформированнымъ. Такъ, во 1-хъ, оно предписывало высшимъ мѣстамъ, по долгу службы, возбуждать вопросъ о медленности производства и такимъ образомъ значительно облегчало полученіе вознагражденія не только за невинное привлеченіе къ суду, но и за невинную продолжительность задержанія; во 2-хъ, обязательное возбужденіе этого вопроса высшимъ судомъ, преимущественно сенатомъ, значительно облегчало подсудимаго и должно было содѣйствовать ускоренію рѣшенія такого вопроса, ибо у высшаго суда находился весь необходимый для того матерьялъ. Эта послѣдняя надежда не оправдывалась только благодаря общимъ недостаткамъ прежняго процеса; но предоставленіе самому суду уголовному разрѣшать вопросъ о вознагражденіи за убытки, отъ привлеченія къ суду понесенные, могло-бы функціонировать гораздо успѣшнѣе въ процесѣ реформированномъ.

Личная отвѣтственность, условливаясь противозаконностью или недобросовѣстностью привлеченія къ суду, имѣетъ весьма широкій объемъ. Она обнимаетъ весь вредъ и убытки, отъ привлеченія къ суду понесенные. Согласно закону 9 февраля 1865 г., вошедшему въ примѣчаніе къ ст. 677 т. X ч. 1, по продолженію 1876 года, „если по жалобѣ обиженной стороны доказано будетъ, что закрытіе какого либо заведе-

[1]) Обязанность членовъ суда вознаградить Тесленко за убытки, отъ ареста имъ понесенные, была признана сенатомъ потому только, что къ нимъ примѣнена 1 ч. 348 ст. улож. о нак. по изд. 1866 г.), ибо арестъ послѣдовалъ безъ соблюденія установленныхъ на то правилъ. *Ратьковъ Рожновъ*, Сборникъ, I, дѣло № 15

нія, фабрики или завода, а равно и производство обыска или выемки, сдѣлано было неправильно, то лица, по распоряженію коихъ сіе послѣдовало, отвѣтствуютъ *за всякій вредъ и убытокъ*, такимъ дѣйствіемъ причиненный". На судей, постановившихъ неправильный приговоръ о наказаніи, сверхъ вознагражденія потерпѣвшаго за вредъ и убытки, возложено особое въ пользу его денежное взысканіе, напоминающее собою германскую бусу, отъ 100 до 600 руб. при осужденіи невиннаго къ наказанію уголовному и отъ 10 до 60 руб. при присужденіи его къ наказанію исправительному (ст. 678 т. X ч. I зак. гражд.).

Подобно частнымъ лицамъ, должностныя лица, по уставу уголовнаго судопроизводства, отвѣчаютъ лично за себя. Государство не беретъ на себя за нихъ отвѣтственности и въ случаѣ ихъ несостоятельности, какъ принято въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи (Саксонія, Виртембергъ), какъ практикуется и у насъ въ случаяхъ преступленій по службѣ учиненныхъ должностными лицами кредитныхъ установленій. По иску, предъявленному къ государственному банку Дарованомъ, билеты котораго, ввѣренные банку, оказались **похищенными однимъ изъ чиновниковъ послѣдняго**, государственный совѣтъ нашелъ: „что вкладчикъ ввѣрилъ свои капиталы банку, а не чиновникамъ, которые, какъ агенты банка, принимали отъ него тѣ вклады; посему банкъ, а не чиновники его, долженъ отвѣтствовать за цѣлость вкладовъ и за всѣ послѣдствія отъ нарушенія установленныхъ правилъ при передачѣ ихъ другимъ лицамъ, если таковыя нарушенія будутъ дѣйствительно доказаны. Затѣмъ если бы вслѣдствіе сего, съ банка были присуждены въ пользу вкладчика какія либо суммы, то уже самъ банкъ могъ бы взыскивать ихъ съ своихъ чиновниковъ, упущенія или злоупотребленія коихъ довели его до отвѣтственности". Но совершенно аналогичное положеніе существуетъ и въ случаѣ злоупотребленія должностныхъ лицъ по привлеченію къ суду. Свою свободу, свои имущественные интересы, свою честь, обвиняемый довѣряетъ не чиновникамъ, производящимъ слѣдствіе и судъ,

а государству: при злоупотребленіи должности, чиновники отвѣчаютъ передъ государствомъ, государство передъ потерпѣвшимъ. Такая *замѣняющая* отвѣтственность государства за должностныхъ лицъ лежитъ въ природѣ вещей.

IV.

Но затѣмъ естественно возникаетъ второй вопросъ: помимо отвѣтственности замѣняющей, не слѣдуетъ-ли признать на сторонѣ государства и *самостоятельную* отвѣтственность за вредъ, понесенный невинно отъ привлеченія къ суду или даже отъ неправильнаго наказанія? Вѣдь этотъ вредъ, требуемый во имя интересовъ цѣлаго государства, можетъ послѣдовать и безъ опредѣленной вины какого-либо частнаго или должностнаго лица; и однако, отсутствіе виновника не дѣлаетъ еще самого потерпѣвшаго виновникомъ понесеннаго имъ вреда. Если при желѣзнодорожномъ движеніи случилось несчастье, то правительство принимаетъ на себя или возлагаетъ на желѣзнодорожное общество обязанность вознаградить потерпѣвшаго, не справляясь съ тѣмъ, произошло-ли несчастіе отъ доказанной вины какого-либо служащаго. Но не большее-ли еще несчастіе—неправильный приговоръ, и не существуетъ-ли юстиція, подобно желѣзнодорожному движенію, для интересовъ всего гражданскаго общества? Когда для какой-либо общей цѣли государство нуждается въ моемъ клочкѣ земли и отчуждаетъ его отъ меня путемъ экспропріаціи, оно вознаграждаетъ меня; почему же невознаградимыми должны быть отчужденія благъ, несравненно болѣе для меня важныхъ —свободы, чести, здоровья,—также требуемыхъ отъ меня во имя цѣлей общаго? Не слѣдуетъ-ли, напротивъ, признать, что общество въ этомъ случаѣ становится должникомъ невинно къ суду уголовному привлеченнаго и должно вознаградить его за вредъ, отъ того происшедшій?

Какъ реакція громкимъ злоупотребленіямъ инквизиціоннаго процеса, эта мысль съ особенною энергіею была выставлена гуманитарными теоріями энциклопедистовъ. Первенство въ провозглашеніи ея принадлежитъ Пуфендорфу, который,

опираясь на то, что подслѣдственное заключеніе не есть наказаніе, смѣло выводилъ отсюда обязанность вознагражденія за опое (on doit l'en dédommager) и необходимость зачета его въ наказаніе. Участь невинно осужденныхъ интересовала лучшіе умы конца XVIII стол., и могучій духъ реформы проявилъ себя какъ въ отдѣльныхъ мемуарахъ, писавшихся и подававшихся французскому королю въ защиту ихъ [1]), такъ и въ общей постановкѣ этого вопроса въ литературѣ. Уже въ 1777 году экономическое общество Берна, въ Швейцаріи, назначило премію въ 1200 фр. за лучшее сочиненіе по темѣ: „изготовить и редактировать полный планъ уголовнаго законодательства, по слѣдующимъ тремъ рубрикамъ: 1) о преступленіяхъ и соотвѣтственныхъ имъ наказаніяхъ; 2) о существѣ и силѣ доказательствъ и уликъ; и 3) о способахъ уголовнаго изслѣдованія, такъ, чтобы мягкость наказанія и процеса соединялась съ непремѣнностью быстрой и примѣрной репрессіи, и чтобы гражданское общество имѣло возможно большія гарантіи". Эта премія, которую Вольтеръ, пополнивъ 50 лундорами изъ своего кошелька, назвалъ „премією справедливости и человѣчности", была присуждена Глобигу и Густеру, но на нее состязались и многіе французы, между прочимъ будущій жирондистъ Бриссо-де Варвиль и еще крупнѣйшая знаменитость революціоннаго террора, Маратъ [2]).

Затѣмъ, въ 1780 году академія наукъ и художествъ въ Шалонѣ-на-Марнѣ предложила премію на тему: „о способахъ смягченія уголовныхъ законовъ Франціи безъ вреда для общественной безопасности", а въ слѣдующемъ году та-же академія предложила другую тему, еще ближе относящуюся къ интересующему насъ вопросу: „ каковы по началамъ естественнаго права лучшіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наименѣе обременительные для общества способы вознагражденія гражданъ, привлечен

[1]) Esmein, Histoire de la procedure criminelle en France, Paris 1882 стр. 391 и слѣд.

[2]) О сочиненіи его Esmein отзывается: «cet ouvrage est d' une rare mediocrité», s. c. стр. 382.

ныхъ прокуратурою къ суду и признанныхъ невиновными?“ Въ этомъ состязаніи принималъ участіе Бриссо-де Варвиль, получившій премію за свой трудъ [1]). Главнѣйшую часть его составляетъ указаніе тѣхъ процесуальныхъ реформъ, которыя необходимы для предупрежденія неправильныхъ приговоровъ и для устраненія ненужной жестокости. Какъ въ немъ, такъ и въ трудахъ его конкурентовъ (de la Madeleine) и современниковъ (Pastoret), вопросъ о вознагражденіи за неправильно понесенное наказаніе обращаетъ на себя преимущественное вниманіе, но параллельно съ тѣмъ указывается и на необходимость вознагражденія за вредъ, отъ привлеченія къ суду вообще и въ частности отъ слѣдственнаго задержанія происходящій. Они различаютъ вредъ идеальный и матеріальный. За первый требуется идеальное вознагражденіе — возстановленіе чести; одинъ изъ конкурентовъ Бриссо, de la Madelain, рекомендуетъ облечь оправданнаго въ праздничную одежду, повязавъ его бѣлою лентой, на которой прикрѣпитъ медаль или крестъ съ надписью: „признанная невинность“, на одной сторонѣ, а на другой — корона изъ двухъ пальмовыхъ вѣтокъ, съ обозначеніемъ дня постановленія оправдательнаго приговора [2]). Нѣсколько позже Пасторе, отдавшій рѣшительное предпочтеніе идеальному вознагражденію передъ матеріальнымъ, писалъ: „я бы желалъ, чтобы день возстановленія обвиняемаго въ общественномъ мнѣніи (réhabilitation des accusés) былъ днемъ праздника или тріумфа. Посвященный этому народный праздникъ былъ бы однимъ изъ лучшихъ новѣйшихъ учрежденій, равнаго которому не нашлось-бы во всемъ древнемъ мірѣ“ [3]). Что касается матеріальнаго вознагражденія, то XVIII вѣкъ относится къ нему съ патриціанскимъ презрѣніемъ и отводитъ ему второстепенное мѣсто [4]). Даже когда

---

[1]) Brissot de Warville, Le sang innocent vengé.

[2]) Geyer, Zeit und Streitfragen № 169 стр. 10.

[3]) Pastoret, Des lois pénales, Paris 1790, т. II стр. 119, 120.

[4]) Pastoret, в. с. стр. 119. «Les dédommagements honorifiques sont en general infiniment preférables chez un peuple qui est beaucoup plus sensible à l' honneur qu' à la fortune».

оно признавалось, то условія ему ставились крайне тѣсныя. Всѣхъ шире понималъ ихъ Бриссо, который настаивалъ на имущественномъ вознагражденіи не только обѣдѣвшихъ, но и важныхъ подсудимыхъ [1]); Насторе, напротивъ, видѣлъ необходимость въ денежномъ вознагражденіи только тогда, когда подсудимый, по болѣзненному состоянію своему или по неважному общественному положенію, принадлежалъ къ числу нуждавшихся въ немъ бѣдняковъ. По Бриссо, уплачивать это вознагражденіе обязано государство, что возможно въ двоякой формѣ: или уплатою денегъ изъ суммъ, собранныхъ налогами и пошлинами, или освобожденіемъ оправданнаго, на нѣкоторое время, отъ платежа налоговъ. По Насторе, напротивъ, денежное вознагражденіе, въ значительной части своей, должно уплачиваться изъ взысканія, налагаемаго на доносчика, въ остальной-же части покрывается изъ государственнаго казначейства; противъ освобожденія отъ налоговъ Насторе приводитъ тотъ аргументъ, что „доставленіе справедливости одному не должно быть бременемъ или несправедливостью для другихъ гражданъ“. Но и Бриссо сильнѣе сдѣлать весьма существенную оговорку въ своей теоріи вознагражденія. Замѣтивъ, что вознагражденъ долженъ быть всякій вредъ, причиненный неправильнымъ привлеченіемъ къ суду, онъ продолжаетъ: „меня, безъ сомнѣнія, признали бы апологистомъ преступленія и порока, если-бы я не установилъ различія, существующаго между обвиняемыми, и не указалъ бы на необходимость различенія въ самыхъ послѣдствіяхъ такого привлеченія. Безъ него предлагаемый мною проектъ былъ-бы непрактиченъ или опасенъ для общества. Въ самомъ дѣлѣ, благодаря всякому пороку своей организаціи [2]), новѣйшія государства переполнены голпа-

[1]) Однимъ изъ основаній въ пользу денежнаго вознагражденія ихъ Бриссо указывалъ необходимость въ которую были поставлены подсудимые того времени подкупомъ чиновниковъ добывать средства своего оправданія Brissot I с. II, стр. 365, 366.

[2]) Слѣдъ теоріи Гуссо.

ми членовъ-паразитовъ, неимѣющихъ стремленія къ честному труду, который могъ бы дать собственность. Они называются гражданами, но неисполняютъ обязанностей гражданина; въ благодѣтельныхъ вліяніяхъ общества они не принимаютъ участія; именно по отношенію къ нихъ чувствуется справедливость поговорки: нѣтъ правъ — нѣтъ и обязанностей. Существа этого класса незнаютъ никакихъ принциповъ (liens), по отсутствію въ томъ ихъ интереса: и именно изъ этого класса лицъ, брошенныхъ на произволъ судьбы и потому доступныхъ разврату, выходятъ большею частью наши тяжкіе преступники, на злодѣянія и полную испорченность которыхъ постоянно указываютъ для оправданія чрезмѣрныхъ жестокостей нашихъ уголовныхъ законовъ. "И вотъ, людямъ этого бездомнаго, порочнаго, преступнаго класса, неимѣющихъ ни собственности, ни положенія, живущихъ случаемъ и преступленіемъ, Бриссо совершенно отказывалъ въ вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные привлеченіемъ ихъ къ суду и даже неправильнымъ приговоромъ, возставая лишь, и по отношенію къ нимъ, противъ неумѣстныхъ жестокостей процесуальнаго законодательства [1]).

Идея государственнаго вознагражденія изъ Франціи тогда же перенесена была въ Италію и Англію.

Крупнымъ представителемъ ея въ Италіи XVIII вѣка былъ Филанджіери: его мнѣнія по этому вопросу весьма близки къ мыслямъ, которые мы уже встрѣчали во Франціи. И онъ обращаетъ главнѣйшее вниманіе на улучшеніе уголовнаго процеса, подвергая безпощадному анализу несовершенства инквизиціоннаго порядка. И онъ, подобно Бриссо и Насторе, говоря о вознагражденіи, имѣетъ въ виду только случаи судебнаго оправданія подсудимаго. Институтъ вознагражденія разсматривается имъ съ точки зрѣнія обвинительнаго процеса, возвратъ къ которому имъ настоятельно рекомендуется. „Въ случаѣ оправданія, говоритъ онъ [2]), было ли обви-

[1]) Brissot-de-Warville, l. c. II стр. 351 и слѣд.

[2]) Filangieri, La scienza della legislazione, 22 глава отдѣла объ обви

пеніе предъявлено публичнымъ или частнымъ обвинителемъ, законъ не можетъ отказать подсудимому, который долженъ былъ принести свои миръ и свое спокойствіе въ жертву интересамъ общественнаго порядка, въ *вознагражденіи* за такую жертву: мало того, если онъ подвергся невыгодамъ, издержкамъ и опасностямъ процеса не по ошибкѣ, а по злоумышленію обвинителя, то онъ долженъ быть *отомщенъ* за понесенныя лишенія". Отсюда --два различные пути, принадлежащіе подсудимому: процесъ объ убыткахъ и процесъ о клеветѣ. „Для того, чтобы доставить ему только вознагражденіе за убытки, незачѣмъ заводить новаго уголовнаго дѣла. Если я неумышленно причинилъ кому либо вредъ, законъ не наказываетъ меня, но присуждаетъ къ вознагражденію. Я свободенъ отъ упрековъ совѣсти, но можетъ ли совѣсть освободить меня и отъ вознагражденія за вредъ? Если даже обвинитель имѣлъ нѣкоторыя основанія полагать, что привлекаемый имъ къ суду на самомъ дѣлѣ виновенъ въ преступленіи, тѣмъ не менѣе, послѣ состоявшагося оправданія доказанная этимъ ошибка обвинителя становится хотя и не преступленіемъ, по причиною вреда, подлежащаго вознагражденію. Но примѣнимо ли это начало и къ обвинителю публичному? Слѣдуетъ-ли при оправданіи привлеченнаго имъ къ суду лица, даже при отсутствіи всякой съ его стороны вины, возлагать на него обязанность покрыть причиненные убытки изъ *собственнаго имущества*? Не будетъ-ли это мѣрою, которая свяжетъ его въ осуществленіи его служебныхъ обязанностей? Не становится-ли ошибка болѣе извинительною со стороны лица, которое обязано быть обвинителемъ по долгу службы? Законы Рима до такой степени ограждали должностныхъ лицъ, выступавшихъ обвинителями ex officio, что даже въ случаяхъ клеветы не подвергали ихъ наказанію. Въ другомъ мѣстѣ нашего труда мы представили уже возраженія

нительномъ процесѣ. У насъ подъ руками нѣмецкій переводъ этого отдѣла изданнаго Пане въ 1849 г., въ Берлинѣ, подъ заглавіемъ: Gaetano Filangieri über den Anklageprocesz und das Geschvornen-Gericht.

противъ этого правила, но не думаемъ, однако, чтобы на такихъ обвинителей было справедливо возлагать обязанность вознагражденія за убытки, если въ ихъ стороны не было клеветы, а лишь неумышленная ошибка. Для огражденія публичныхъ обвинителей отъ опасности отвѣта въ случаяхъ такого рода, мы предлагаемъ учредить особую кассу вознаграждения за убытки, которая была бы предназначена для возмѣщенія убытковъ, причиненныхъ неправильными, но неумышленными обвиненіями со стороны публичныхъ обвинителей. Поразительно, въ самомъ дѣлѣ, что до сихъ поръ не подумали объ учрежденіи столь необходимой кассы. Юстиція повсюду имѣетъ фонды для оплаты содержанія своихъ служителей: почему же бы ей не завести такихъ фондовъ и для искупленія ошибокъ, ими учиненныхъ"? Далѣе Филанджіери переходитъ къ случаямъ злоумышленнаго неправильнаго обвиненія, давая здѣсь потерпѣвшему особый искъ о клеветѣ, одинаковый какъ для частныхъ, такъ и для публичныхъ обвинителей.

Изъ сказаннаго видно, что устами Филанджіери говорило тоже всѣхъ увлекавшее движеніе реформы, которому подчинялись Бриссо и Пасторе. Но мысли его имѣли несравненно большее практическое значеніе, благодаря тосканскому герцогу Леопольду I, который отвелъ имъ мѣсто въ изданномъ имъ тосканскомъ уголовномъ уложеніи 1786 года. Этотъ памятникъ законодательства, славный какъ первая въ Европѣ попытка отмѣны смертной казни, впервые на страницы закона вноситъ и идею государственнаго вознагражденія невинно къ суду уголовному привлеченныхъ. Тосканское уложеніе, подъ идеальнаго вознагражденія оправданныхъ, которому отводится важнѣйшее мѣсто, заботится и объ имущественномъ ихъ вознагражденіи, учреждая для того по совѣту Филанджіери особую кассу, которая предназначалась для возмѣщенія убытковъ: 1) лицъ, отъ преступленій потерпѣвшихъ и 2) подсудимыхъ, судомъ оправданныхъ (§ 16). Вознагражденіе послѣднихъ и размѣръ его предоставлялись усмотрѣнію суда. Примѣру тосканскаго уложенія послѣдовали уложеніе

сицилiанское, проектъ уголовнаго уложенiя португальскаго 1861 г. и законодательства 19 кантоновъ Швейцарiи [1]); но за этими исключенiями, матерьяльное вознагражденiе невинно къ суду уголовному привлеченныхъ остается неизвѣстнымъ прочимъ законодательствамъ.

Въ Англiи, идея государственнаго вознагражденiя подсудимыхъ оправданныхъ нашла не менѣе талантливаго послѣдователя въ лицѣ Бентама, но мысли его практическихъ результатовъ до сихъ поръ не дали. Правда, еще въ 1808 году, подъ прямымъ вліянiемъ Бентама, сэръ Самуилъ Ромильи внесъ въ палату общинъ билль, которымъ предполагалось возложить на судъ обязанность, при постановленiи каждаго оправдательнаго приговора, ставить себѣ и разрѣшать вопросъ, заслуживаетъ-ли оправданный вознагражденiя. Но это предложенiе вызвало горячiя прения; противъ него указывалось, что мѣра эта приведетъ къ противному англiйской конституцiи различенiю оправдательныхъ приговоровъ, по которымъ допущено вознагражденiе, отъ такихъ же оправдательныхъ приговоровъ, по которымъ вознагражденiя не допущено. Ромильи взялъ свое предложенiе обратно для исправленiя, но этимъ и былъ покончепъ поднятый имъ вопросъ [2]).

Законодательства и литература XIX в. всѣхъ крупныхъ государствъ Европы представляютъ картину опасливаго отношенiя къ вопросу о вознагражденiи матерьяльномъ, между тѣмъ какъ идеальное вознагражденiе за это время успѣло значительно созрѣть и пустило уже глубокiе корни въ правосознанiе культурныхъ народовъ. Во Францiи, при обсужденiи государственнымъ совѣтомъ проекта нынѣ дѣйствующаго устава, предлагалось ввести государственное вознагражденiе невинно осужденныхъ; „но — говоритъ Фостенъ Элiа — предложенiе это было устранено изъ опасенiя, чтобы эта

[1]) Geyer, Zeit und Streitfragen, стр. 11 и 15; въ Швейцарiи вознагражденiе также опредѣляется по усмотрѣнiю суда.

[2]) О позднѣйшей попыткѣ въ Англiи, тоже неудачной, см. Bonneville de Marsangy, De l'amelioration des lois criminels II, 596 и слѣд.

мѣра не повела къ вопросу о вознагражденіи всѣхъ оправданныхъ подсудимыхъ, а частью и потому, что принципъ юридической отвѣтственности государства за вредъ, отъ судебной ошибки происшедшій, признанъ былъ спорнымъ“ [1]). Изъ французскихъ писателей новаго времени, за матерьяльное вознагражденіе оправданныхъ высказался между прочимъ Бонневиль-де-Марсанжи, который, впрочемъ, отказывалъ въ немъ подсудимымъ, невинность которыхъ не установлена въ точности судомъ уголовнымъ, а также тѣмъ, которые поведеніемъ и образомъ жизни ввели судебную власть въ ошибку и сдѣлали примѣненіе этой мѣры необходимымъ. Такимъ образомъ, право на вознагражденіе, согласно Марсанжи, условливается отсутствіемъ процесуальной вины и полною невинностью по обвиненію. Но въ этой постановкѣ идея вознагражденія встрѣчаетъ противниковъ и въ средѣ французскихъ юристовъ, которые опасаются, что такая мѣра поведетъ къ совершенно неправильному раздѣленію оправдательныхъ приговоровъ [2])

Равнымъ образомъ и въ германскихъ государствахъ въ теченіе XIX ст. идеальное вознагражденіе невинно къ суду уголовному привлеченныхъ значительно окрѣпло, но по вопросу о матерьяльномъ вознагражденіи до послѣдняго времени сдѣлано было очень мало. Только виртембергскій уставъ уголовнаго судопроизводства постановлялъ: „осужденному, невинность котораго доказана, выдается изъ казны вознагражденіе за вредъ, невинно имъ понесенный, при чемъ казна имѣетъ право требовать возврата уплаченнаго съ виновныхъ въ неправильномъ осужденіи должностныхъ лицъ“ (art. 484 Ab. 2). Новые уставы австрійскій 1873 года (§ 360) и германскій 1877 года (§ 411) говорятъ лишь о правѣ оправ-

[1]) Helie, Traité de l'instruction criminelle, по парижскому изданію 1867 г. т. VIII стр. 541. Вторично вопросъ этотъ дебатировался во французской палатѣ въ 1863 году, см. Garraud, Precis стр. 650.

[2]) Garraud, Précis de droit criminel, p. 651: à moins donc d'établir des acquittements de deux sortes, ce qui paraît difficile, sinon impossible, on ne peut songer à faire condamner l'Etat à des dommages-interets pour les prejudices qu'il a causé au détenu acquitté.

даннаго требовать напечатанія оправдательнаго приговора, совершенно умалчивая не только о вознагражденіи его за понесенное наказаніе, но и о возвратѣ ему судебныхъ издержекъ [1]).

Но еще ранѣе изданія германскаго устава, вопросъ о матерьяльномъ вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлеченныхъ, сталъ предметомъ въ высшей степени оживленнаго обмѣна мыслей между германскими юристами. Честь почина его постановки принадлежитъ Гейнце, который, въ сочиненіи своемъ: das Recht der Untersuchungshaft (Leipzig, 1860), высказался за государственную обязанность вознагражденія всякаго лица, лишеннаго свободы на предварительномъ слѣдствіи, съ двумя лишь изъятіями: 1) если обвиняемый самъ сдѣлалъ что-либо именно съ цѣлью вызвать или продолжить лишеніе свободы, напр. явился съ повинной при отсутствіи вины, и 2) если обвиняемый уклонялся отъ суда и тѣмъ сдѣлалъ необходимымъ задержаніе его. Затѣмъ, этотъ вопросъ сдѣлался предметомъ горячихъ преній на трехъ послѣдовательныхъ съѣздахъ германскихъ юристовъ: ганноверскомъ 1873 года (XI съѣздъ), нюрнбергскомъ 1874 года (XII) и зальцбургскомъ 1876 года (XIII съѣздъ). На двухъ первыхъ съѣздахъ пренія оставались безъ всякихъ результатовъ, и только зальцбургскій съѣздъ рѣшился поставить голосованію и принялъ предложеніе Жака и Штенглейна, гласившее: „въ случаѣ оправданія или прекращенія преслѣдованія, за понесенное задержаніе назначается вознагражденіе, если только примѣненіе подслѣдственнаго задержанія или продолженіе его не вызвано по собственной винѣ обвиняемаго во время производства дѣла“. Въ тоже время вопросъ этотъ возбуждался юридическою литературою, и высказанныя по нему мнѣнія сводятся къ тремъ группамъ. Одни требовали государствен-

[1]) Германскій уставъ въ § 499 содержитъ общее правило, коимъ суду предоставляется принять на счетъ казны произведенныя подсудимымъ по дѣлу издержки, которыя признаны необходимыми. Кромѣ того, § 501 его на неосмотрительнаго доносчика возлагаетъ всѣ издержки, отъ доноса послѣдовавшіе.

наго вознагражденія за подслѣдственное лишеніе свободы по правовымъ основаніямъ (Rechtsgründe), сближая его съ экспропріаціей имущества (Вальбергъ, Якобъ, Гейеръ), или съ вознагражденіемъ свидѣтелей (Вальбергъ), или съ зачетомъ подслѣдственнаго задержанія въ наказаніе, при постановленіи обвинительнаго приговора (Гейнце). Другіе, отказываясь признать за государствомъ строго юридическую обязанность вознаграждать предварительно задержаннаго, брали однако идею государственнаго вознагражденія подъ свою защиту, какъ мѣру человѣколюбія, гуманности (Billigkeit); нынѣ въ Германіи это направленіе наиболѣе распространено; за него подалъ свой весьма авторитетный голосъ и саксонскій юристъ Шварце. Наконецъ, въ такой странѣ какъ Германія, гдѣ каждое мнѣніе стремится къ печатному станку, въ литературѣ не могли не высказаться и взгляды діаметрально противоположные, которыми государственное вознагражденіе отрицается въ самомъ принципѣ. „Нѣсколькихъ мѣсяцевъ со дня введенія въ дѣйствіе подобнаго закона— говорятъ представители этого направленія— будетъ совершенно достаточно для того, чтобы теперешняя, весьма скромная агитація въ пользу государственнаго вознагражденія, смѣнилась бурнымъ общественнымъ движеніемъ противъ него“ [1]). Но это отрицательное направленіе относится лишь къ вознагражденію за подслѣдственное задержаніе, вовсе не касаясь вопроса о вознагражденіи за невинно понесенное наказаніе.

Результатомъ изложеннаго обмѣна мыслей было предложеніе депутатовъ Филиппса и Ленцмана, внесенное въ прошломъ (1882) году въ германскій парламентъ. Оно требуетъ дополненія §§ 413 и 499 германскаго устава уголовнаго судопроизводства слѣдующими правилами:

§ 413. „Если, вслѣдствіе возобновленія уголовнаго дѣла на основаніи п. 5 § 399 сего устава [2]), послѣдовалъ оправ-

[1]) Kronecker. die Entschädigung unschuldig Verhafteter, стр. 23.

[2]) Этотъ пунктъ предусматриваетъ возобновленіе дѣла вслѣдствіе открытія новыхъ обстоятельствъ, свидѣтельствующихъ о невинности осужденнаго или о понесеніи имъ по судебной ошибкѣ наказанія свыше мѣры содѣяннаго, такъ что

дательный приговоръ, то оправданному должно быть дано изъ государственнаго казначейства вознагражденіе, какъ за понесенное наказаніе, такъ и за иной вредъ, причиненный ему уголовно-судебнымъ производствомъ. Требованіе о вознагражденіи признается неумѣстнымъ, если обвинительный приговоръ умышленно вызванъ поведеніемъ самого подсудимаго. Размѣръ вознагражденія опредѣляется свободнымъ усмотрѣніемъ суда, по обсужденіи обстоятельствъ дѣла".

§ 499. „Сверхъ того [1]), оправданному или освобожденному отъ преслѣдованія, по ходатайству его, можетъ быть опредѣлено изъ государственнаго казначейства вознагражденіе за подсѣдственное задержаніе и всякій иной вредъ, понесенный имъ отъ привлеченія къ уголовному суду. Ходатайство о вознагражденіи недопускается, если подсудимый поведеніемъ своимъ умышленно вызвалъ уголовно-судебное производство. Размѣръ вознагражденія опредѣляется свободнымъ усмотрѣніемъ суда, по оцѣнкѣ всѣхъ обстоятельствъ дѣла".

Обращаясь затѣмъ къ Россіи, мы и въ нашемъ отечествѣ находимъ прочную почву для постановки и дальнѣйшаго развитія вопроса о государственномъ вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлекаемыхъ. Но нельзя не отмѣтить, что прежнее законодательство свода было богаче относящимися къ нему постановленіями, чѣмъ новое законодательство судебныхъ уставовъ. Въ сводѣ мы находимъ слѣдующіе институты, заслуживавшіе быть сохраненными и на будущее время, при нѣкоторомъ лишь ихъ видоизмѣненіи:

1) *Публикованіе невинности.* На основаніи ст. 516 и 706 т. XV ч. 2 изд. 1857 г., должностнымъ лицамъ, преданнымъ суду съ публичнымъ о томъ оглашеніемъ, въ случаѣ

предложеніе Филиппса и Ленцмана не обнимаетъ случаевъ возобновленія вслѣдствіе открытія подлога въ документахъ (п. 1), лжесвидѣтельства (п. 2), злоупотребленій по службѣ со стороны судей, присяжныхъ или полиціи (п. 3 и отмѣны рѣшенія гражданскаго суда, признаннаго преюдиціальнымъ для уголовнаго дѣла (п. 4).

[1]) § 499 постановляетъ о правѣ суда возвратить подсудимому судебныя издержки, имъ понесенныя, и признанныя необходимыми для дѣла.

оправданія предоставлялось право *требовать* повсемѣстнаго о томъ публикованія, которое производилось печатными указами отъ тѣхъ департаментовъ или общихъ собраній сената, въ коихъ дѣла о сихъ лицахъ окончательно разсмотрѣны. Эта мѣра носитъ явный характеръ идеальнаго вознагражденія подсудимаго за вредъ, отъ гласнаго привлеченія его къ суду имъ понесенный.

2) *Зачетъ времени судимости въ службу.* „Кто — постановляла о должностныхъ лицахъ ст. 704 т. XV ч. 2 изд. 1857 г. — признанъ будетъ по суду невиннымъ, тому зачитается время нахожденія подъ судомъ и слѣдствіемъ въ дѣйствительную службу". Наконецъ,

3) выдача должностнымъ лицамъ, находившимся подъ слѣдствіемъ и судомъ, опредѣленной части ихъ служебнаго содержанія, съ тѣмъ, что при полномъ оправданіи такое лице получало право и на остальную часть содержанія, временно удержаннаго. Эти двѣ послѣднія мѣры, сохранившія силу и донынѣ (ст. 1122 уст. уг. суд. изд. 1876 г.), направлены были настолько къ идеальному, но и къ матерьяльному вознагражденію невинно къ суду уголовному привлеченнаго.

Конечно, въ указанныхъ институтахъ нашего прежняго законодательства есть весьма слабая сторона: они относились только къ должностнымъ лицамъ, забывая прочую массу подсудимыхъ; они имѣли характеръ привиллегіи, неумѣстной въ дѣлахъ суда. Но задача всякой реформы состоитъ въ выясненіи того, что въ существующихъ привиллегіяхъ представляется разумнымъ и въ возведеніи этого разумнаго изъ исключенія въ общее правило. Къ сожалѣнію, составители судебныхъ уставовъ по интересующему насъ вопросу, не пошли этимъ путемъ и названнымъ институтамъ свода не дали дальнѣйшаго развитія. Первый изъ нихъ, публикованіе невинности, совершенно упраздненъ ими, по разъясненію практики на томъ основаніи, что, со введеніемъ гласности уголовнаго процесса, каждый оправданный самъ можетъ озаботиться о напечатаніи судебнаго при-

говора [1]). Это объясненіе, однако, мало убѣдительно и прежнее законодательство несомнѣнно давало болѣе правильное рѣшеніе вопроса: важно то именно, что само правительство брало на себя опубликованіе приговора, видѣло въ этомъ свою обязанность и исполненіемъ ея стремилось вознаградить оправданнаго за идеальный вредъ, отъ привлеченія къ суду и оглашенія этого факта происшедшій. Введеніе гласности процеса само по себѣ еще не устраняетъ необходимости такой мѣры, какъ доказываетъ и германскій уставъ уголовнаго судопроизводства, гарантирующій оправданному подсудимому напечатаніе, по просьбѣ его, оправдательнаго приговора, по распоряженію канцлера. Двѣ остальныя затѣмъ мѣры, извѣстныя своду, сохранены и уставомъ, но въ прежнемъ значеніи привиллегій.

Обобщеніе этого частнаго правила, нынѣ составляющаго привиллегію немногихъ, требуется общественнымъ мнѣніемъ нашего отечества. Мы не имѣемъ, правда, возможности сослаться на литературную разработку этого вопроса, которая у насъ еще, къ сожалѣнію, и не начиналась. Но мы имѣемъ возможность указать на нѣчто большее, на фактъ глубокаго общаго убѣжденія въ необходимости придти на помощь къ подсудимымъ оправданнымъ, убѣжденія, выразившагося не только въ словѣ, но и въ дѣлѣ. Человѣкъ пера и судейской тоги, всю свою жизнь энергическаго труда съ огромною пользою посвятившій служенію общему дѣлу правосудія, оставившій имя, которое съ почетомъ и уваженіемъ произносится русскими юристами, Николай Андреевичъ Буцковскій, всѣ свои сбереженія, такимъ полезнымъ трудомъ скопленныя, завѣщалъ „въ неприкосновенный фондъ благотворительности для первоначальнаго пособія, въ предѣлахъ С.-Петербургской судебной палаты, тѣмъ по суду оправданнымъ, которыхъ невинность окажется очевидною, а не признанною только по неполности уликъ, и тѣмъ осужденнымъ, которые впали въ

[1]) Сборникъ Ратькова-Рожнова, IV, № 697.

преступленіе по несчастному для нихъ стеченію обстоятельствъ, и для которыхъ своевременная помощь можетъ быть спасительнымъ средствомъ къ обращенію ихъ на путь честной жизни". Одинъ изъ видныхъ сотрудниковъ по составленію судебныхъ уставовъ, Николай Андреевичъ своимъ гуманнымъ взглядомъ разглядѣлъ слабую ихъ сторону и поторопился, по мѣрѣ силъ своихъ, пополнить пробѣлъ, ими оставленный.

Этотъ высокій примѣръ не остался единичнымъ. Какъ часто у насъ, и въ столицѣ, и въ отдаленныхъ захолустьяхъ, едва-ли не съ самаго перваго дня дѣйствія новаго суда, присяжные засѣдатели, оправдавъ подсудимаго, раскрывали свои, порою весьма тощіе кошельки, и старались дать ему посильную помощь для облегченія вреда, отъ привлеченія къ суду имъ понесеннаго! Въ странѣ, гдѣ общество по своему почину протягиваетъ руку помощи оправданному, гдѣ оно не словомъ только, а самымъ дѣломъ заявляетъ убѣжденіе въ неполнотѣ законодательства по этому предмету, вопросъ о государственномъ вознагражденіи достаточно созрѣлъ для законодательной его постановки. Запросъ на удовлетворительное разрѣшеніе его у насъ предъявляютъ и судья, достигшій высшихъ ступеней магистратуры, и скромный крестьянинъ, временно исполняющій обязанности правосудія въ качествѣ присяжнаго засѣдателя. При существованіи такихъ фактовъ, мы можемъ даже не завидовать богатой литературной разработкѣ интересующаго насъ вопроса, которую имѣетъ Западъ. Они драгоцѣннѣе, убѣдительнѣе цѣлаго ряда монографій, которымъ обогатилась Германія, цѣлаго ряда преній, происходившихъ на съѣздахъ ея юристовъ. Но именно эти факты съ настоятельностью взываютъ къ русской юриспруденціи, чтобъ она потрудилась надъ вопросомъ о государственномъ вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлеченныхъ, доставивъ возможно болѣе полный матерьялъ для его скорѣйшаго разрѣшенія.

V.

Современное, крайне неудовлетворительное состояніе института государственнаго вознагражденія за вредъ, отъ наказанія или неправильнаго привлеченія къ суду невинно понесенный, коренится въ характеристическихъ началахъ инквизиціоннаго процесса. На институтъ, насъ занимающій, этотъ порядокъ процесса оказалъ вліяніе по преимуществу въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, въ глазахъ его обвиняемый былъ объектомъ изслѣдованія, обязаннымъ помогать правосудію и отвѣтственнымъ за дѣйствія или бездѣйствія, затрудняющія раскрытіе истины, какъ-то: за запирательство, противорѣчивыя и невѣрныя показанія и т. п. Какъ объектъ изслѣдованія, обвиняемый не признавался стороною въ дѣлѣ, и о какихъ либо обязанностяхъ передъ нимъ государства, къ раскрытію истины стремящагося, не могло быть рѣчи. Но „процессуальная вина“ запирательства получила значеніе вины уголовной, вызывая примѣненіе наказаній. Подъ прикрытіемъ этой формы, пытка продолжала существовать еще очень долго послѣ того, какъ состоялась торжественная отмѣна ея, и самая эта форма упраздняла вопросъ о вознагражденіи, неимѣвшій, конечно, мѣста при назначеніи разныхъ степеней личности по суду, въ видѣ наказанія за признанную имъ вину. Во вторыхъ, инквизиціонный процессъ для всѣхъ сомнительныхъ случаевъ создалъ „оставленіе въ подозрѣніи“, absolutio ab instantia, которое, не будучи приговоромъ оправдательнымъ, оставляло руки правосудія развязанными на неопредѣленное время, устраняя вмѣстѣ съ тѣмъ всякую мысль о вознагражденіи къ суду привлекавшагося.

Нынѣ направленіе уголовно-судебнаго разбирательства кореннымъ образомъ измѣнилось. Положены несуществовавшіе прежде предѣлы обвинительной дѣятельности, допущены стороны, оставленіе въ подозрѣніи оставлено за штатомъ. Подсудимый сталъ, если не вполнѣ еще равноправною съ обвинителемъ, то все же стороною въ дѣлѣ, имѣющею права

и уважаемою какъ личность. Отъ него, во имя общихъ интересовъ, требуются жертвы, но уже не столь тяжкія, какъ прежде, и назначаемыя осмотрительнѣе, въ виду возросшаго уваженія къ личности подсудимаго. Такимъ образомъ, появилась почва и для идеи вознагражденія за эти жертвы.

Наиболѣе созрѣла мысль объ *идеальномъ вознагражденіи*. Во многихъ кодексахъ она стала уже совершившимся фактомъ, преимущественно по отношенію къ невинно-осужденнымъ.

Подъ идеальнымъ вознагражденіемъ мы понимаемъ удовлетвореніе, даваемое государствомъ невинно осужденному или невинно къ суду уголовному привлеченному, въ формѣ торжественнаго объявленія его невинности и снятія стѣсненій, которымъ это лице подвергалось, со всѣми ихъ послѣдствіями. Необходимость такого вознагражденія вытекаетъ изъ факта признанія невинности, послѣ котораго всѣ ограниченія, назначенныя въ предположеніи виновности, теряютъ почву. Устранить дальнѣйшее примѣненіе ихъ есть обязанность карательной власти, ихъ назначившей; этой обязанности соотвѣтствуетъ право частнаго лица, которое имъ подвергалось, требовать ихъ отмѣны.

Въ такой именно обрисовкѣ понимается идеальное вознагражденіе и нашимъ законодательствомъ. „Возстановленіе чести и правъ невинно осужденнаго—говоритъ ст. 26 уст. уг. суд. — допускается во всякое время, несмотря ни на протеченіе давности, ни на смерть осужденнаго". „При возобновленіи дѣла по доказательствамъ, представленнымъ въ пользу осужденнаго - прибавляетъ ст 938 уст. уг. суд., - дальнѣйшее дѣйствіе приговора немедленно пріостанавливается и участь осужденнаго облегчается во всемъ, что не препятствуетъ принятію мѣръ къ явкѣ его въ судъ". Этими постановленіями обезпечено быстрое устраненіе всѣхъ стѣсненій личности, признанной невинною, и уничтоженіе всѣхъ послѣдствій прежняго производства.

Равнымъ образомъ и относительно лицъ, невинно къ суду привлеченныхъ, хотя еще ненаказанныхъ, законодательство

нано считаетъ нужнымъ идеальное ихъ вознагражденіе. Оправдательные приговоры обязательно исполняются уже при провозглашеніи резолюціи, и если оправданный содержался подъ стражею, то онъ тогда же получаетъ свободу (ст. 958 уст. уг. суд.). Положеніе освобожденныхъ отъ суда во время процедуры преданія суду обезпечивается ст. 542 уст. угол. суд., которая запрещаетъ привлеченіе ихъ къ суду вновь, по тому же обвиненію, иначе, какъ при наличности условій, именно закономъ указанныхъ.

Во всѣхъ этихъ постановленіяхъ съ несомнѣнностью сквозитъ желаніе законодателя удовлетворить, по возможности, человѣка, невинно къ суду уголовному привлеченнаго, ограничивъ мѣры принужденія, къ нему примѣняемыя, предѣлами крайней необходимости. Еще яснѣе желаніе это формулируется по отношенію къ должностнымъ лицамъ, которымъ и по дѣйствующему законодательству время, проведенное подъ слѣдствіемъ и судомъ, зачитывается въ дѣйствительную службу.

Если, затѣмъ, уставы 20 ноября не возлагаютъ на правительство обязанности публикованія оправдательнаго приговора, какъ постановляло наше прежнее законодательство, какъ предписываютъ многіе современные иностранные кодексы, то объясненіе этому лежитъ въ причинахъ, съ которыми мы имѣли уже случай ознакомиться. Не по отрицанію въ самомъ принципѣ этой обязанности за правительствомъ, а потому лишь, что законодатель, вводя гласность процесса, предполагалъ на сторонѣ каждаго лица возможность самому озаботиться публикованіемъ оправдательнаго притовора, появился такой пробѣлъ въ уставахъ 20 ноября. Какъ уже замѣчено, его слѣдуетъ считать пробѣломъ нежелательнымъ.

Идеальное вознагражденіе наиболѣе доступно для государства, не требуя ни одной копѣйки изъ бюджета. Важное преимущество его передъ вознагражденіемъ имущественнымъ состоитъ и въ томъ, что оно мыслимо при всякомъ вредѣ, отъ привлеченія къ суду происшедшемъ; кромѣ того, для людей, наиболѣе того достойныхъ, оно составляетъ наилучшее

удовлетвореніе, и при назначеніи его можно не опасаться разгула тѣхъ низкихъ мотивовъ наживы, которые обыкновенно вьютъ себѣ гнѣздо около денегъ. Въ матерьяльномъ, имущественномъ вознагражденіи, лица состоятельныя или вовсе непуждаются, или вознаградить ихъ въ полномъ размѣрѣ причиненнаго вреда для государства представляется дѣломъ невозможнымъ; напротивъ, идеальное вознагражденіе необходимо и дорого для всякаго, сознающаго свое человѣческое достоинство. Но всѣмъ этимъ причинамъ, правильное построеніе идеальнаго вознагражденія представляется для уголовной политики вопросомъ огромной важности. Не улыбки только заслуживаютъ мысли Насторе объ учрежденіи народнаго празднованія признанной судомъ невинности или предложеніе де-ла-Маделена о публичныхъ овацiяхъ для оправданныхъ. Конечно, подобныя формы вознагражденія мало гармонируютъ со складомъ современной жизни, и преувеличенная публичность едва-ли желательна и для невинно отъ правосудія пострадавшаго, живо напоминая ему лишенія и позоръ судимости. Тѣмъ не менѣе, идеальное вознагражденіе требуетъ нѣкоторой торжественности обстановки, безъ литавръ и вѣнковъ, но все таки такъ, чтобы вознагражденіе было *общественнымъ признаніемъ* ошибки, причинен вредъ пострадавшему. Только въ такомъ признаніи онъ находитъ удовлетвореніе своему нравственному чувству.

VI.

Гораздо сложнѣе вопросъ о *матерьяльномъ вознагражденіи* невинно пострадавшихъ отъ привлеченія къ суду. Здѣсь, притомъ, существуютъ крупныя различія между лицами, пострадавшими отъ наказанія, и лицами, которыя, не бывъ еще подвергнуты наказаніямъ, пострадали отъ привлеченія къ суду. Остановимся прежде всего на матеріальномъ вознагражденіи *невинно-осужденныхъ*

Государство признало уже за собою обязанность идеальнаго вознагражденія такихъ лицъ, немедленнымъ возстанов-

леніемъ ихъ чести и правъ, возможно болѣе широкимъ обнародованіемъ оправдательнаго приговора. Тотъ фактъ, что отмѣненный обвинительный приговоръ, кромѣ вреда идеальнаго, могъ причинить и вредъ матерьяльный, стоитъ внѣ всякого сомнѣнія. Почему же безспорный отвѣтъ, даваемый для перваго случая, встрѣчаетъ здѣсь такія колебанія? [1])

Наше время можно считать покончившимъ съ патриціанскимъ взглядомъ на деньги, котораго держался Насторе. Отовсюду проникающія насъ экономическія струи уже достаточно пріучили насъ видѣть въ деньгахъ не только возможное мѣрило стоимости всѣмъ нашихъ благъ, но и необходимое условіе нашего благосостоянія. Говорить человѣку, превращенному наказаніемъ въ нищаго, о возстановленіи его чести, заставляя его идти съ сумою, иронія, недостойная государственнаго правосудія.

Точно также можно считать покончennымъ и съ тѣмъ мнѣніемъ о безправномъ состояніи цѣлаго класса лицъ, которое высказано Бриссо, которое сквозитъ и въ опасеніи, высказываемомъ въ наши дни, чтобы государственное вознагражденіе не сдѣлалось источникомъ наживы для людей порока и преступленія. Во-первыхъ, всѣ нынѣ равны передъ закономъ, и если неправильный приговоръ постигъ человѣка, безъ крова и дома, то такое безкровное и бездомовное состояніе невинно осужденнаго не предастъ отмѣненному приговору ни на волосъ больше силы. Во-вторыхъ, нѣтъ ровно никакого основанія опасаться эксплуатаціи государственнаго казначейства въ этомъ случаѣ: людямъ, о которыхъ говоритъ Бриссо, до такой степени трудно добиться возобновленія уголовнаго дѣла, а размѣры государственнаго вознагражденія, по необходимой скромности ихъ, будутъ представлять столь незначительную приманку, что случаи этого рода можно будетъ считать развѣ единицами на десятки лѣтъ.

---

[1]) Прежде законодательство наше (ст. 488 т. XV ч. 2 изд. 1857) предписывало сенату опредѣлять вознагражденіе за неправильно понесенное наказаніе но не съ государства, а съ виновныхъ въ томъ должностныхъ лицъ.

Вопросъ о матерьяльномъ вознагражденіи невинно-осужденныхъ за наказаніе, понесенное по судебной ошибкѣ, самъ по себѣ не представляетъ и финансовыхъ затрудненій. Случаи возобновленія уголовныхъ дѣлъ, по процессуальнымъ началамъ, усвоеннымъ дѣйствующими законодательствами, въ томъ числѣ и нашимъ, до такой степени рѣдки, что выдача вознагражденія не можетъ быть ощутительна ни для какого государственнаго казначейства. А между тѣмъ, этою скромною, для общества совершенно незамѣтною цифрою, пріобрѣтается общее успокоеніе въ томъ, что дѣло правосудія непужается въ несправедливыхъ жертвоприношеніяхъ.

Задержка удовлетворительнаго рѣшенія вопроса о государственномъ вознагражденіи невинно-осужденныхъ, происходитъ, очевидно, отъ сближенія его съ вопросомъ о вознагражденіи за привлеченіе къ суду вообще. При значительномъ сходствѣ ихъ основаній, между ними, однако, нѣтъ полной аналогіи.

Объ основаніяхъ вознагражденія за привлеченіе къ суду въ частности за подслѣдственное задержаніе, высказываются различныя мнѣнія. По взгляду однихъ, такой институтъ вытекаетъ изъ строго-правовыхъ основаній; по взгляду другихъ въ пользу его могутъ быть приведены лишь соображенія гуманности и справедливаго снисхожденія къ участи лица (Billigkeitsgründe); по взгляду третьихъ, онъ неподкрѣпляется ни правовыми основаніями, ни соображеніями гуманности. Но даже мыслители, опирающіе его на правовыя основы, признаютъ правомѣрность подслѣдственнаго задержанія въ силу особенныхъ государственныхъ задачъ, служить которымъ призвано уголовное судопроизводство.

Но карательное лишеніе, вытекающее изъ неправильнаго, государствомъ отмѣненнаго приговора, неправомѣрно. Государство не имѣетъ никакого интереса примѣнять наказаніе къ невинному. Понесеніе такого наказанія даетъ ему право требовать вознагражденія.

Оттого-то невинно-осужденный, независимо отъ идеальнаго вознагражденія, имѣетъ право и на матерьяльное вознаграж-

деніе за вредъ, причиненный ему и его семьѣ, въ имуществѣ и здоровьѣ, неправильнымъ приговоромъ. Это право вытекаетъ непосредственно изъ факта отмѣны приговора, изъ признанія несправедливымъ, юридически ничтожнымъ, того дѣйствія суда, въ силу котораго причинялся вредъ.

Такимъ образомъ, признаніе права на вознагражденіе за невинно-осужденными еще неозначаетъ признанія такого права за подслѣдственно задержанными. Но изъ указаннаго различія основаній того и другого вытекаетъ и отвѣтъ на вопросъ объ условіяхъ вознагражденія невинно-осужденныхъ.

Давая невинно-осужденному идеальное вознагражденіе, возстановляя его честь и права, государство не спрашиваетъ, чѣмъ былъ вызванъ отмѣненный приговоръ: даже если бы было доказано, что его желалъ и добился своимъ поведеніемъ самъ осужденный, тѣмъ не менѣе приговоръ подлежитъ отмѣнѣ и дѣло должно быть возобновлено, какъ скоро окажется, что наказаніе примѣнено къ невинному. Но матерьяльное вознагражденіе составляетъ лишь одну изъ сторонъ того же общаго понятія, къ которому относится вознагражденіе идеальное. Поэтому оно, какъ и послѣднее, не можетъ условливаться поведеніемъ осужденнаго во время слѣдствія и суда. Прежней памяти процессуальная вина, имѣвшая въ инквизиціонномъ процессѣ столь широкое примѣненіе, объявлявшаяся иногда за преступленіе sui generis, не оказываетъ, не должна оказывать никакого вліянія на рѣшеніе вопроса о вознагражденіи невинно-осужденнаго.

На это могутъ возразить юридическимъ правиломъ: volenti non fit injuria; тотъ, кто самъ, поведеніемъ своимъ; вызвалъ осужденіе, или, имѣя возможность устранить его соотвѣтственными заявленіями, не сдѣлалъ ихъ, долженъ быть признаваемъ желавшимъ вреда, отъ осужденія происшедшаго, и, слѣдовательно, неимѣющимъ права требовать вознагражденія за оный. Правительство принимаетъ на себя обязанность вознаграждать за несчастія, происшедшія на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ; но этой обязанности нѣтъ, если кто-либо умышленно бросается подъ поѣздъ или подпиливаетъ оси

вагонъ, въ которомъ находится его товаръ. Онъ потерпѣлъ отъ собственныхъ своихъ дѣйствій, а не отъ установленія постороннаго.

Приведенные аргументы, однако, неубѣдительны. Большому прежде всего сомнѣнію подлежитъ вопросъ, можетъ-ли частно правовое правило volenti non fit injuria быть распространяемо на публичныя отношенія индивида къ государству. Далѣе, въ случаяхъ задержанія органами юстиціи нѣтъ той прямой, непосредственной связи между дѣйствіями задерживаемаго и фактомъ задержанія, какъ въ случаѣ, когда человѣкъ бросается подъ желѣзнодорожный поѣздъ; примѣненіе задержанія предполагаетъ посредствующую дѣятельность правосудія, совершенно независимую отъ задерживаемаго, направляемую совершенно особыми и вполнѣ самостоятельными задачами государственнаго интереса. Изобличаемый преступникъ задерживается не въ силу его желанія или нежеланія, а въ силу законовъ, запрещающихъ его дѣяніе и устанавливающихъ порядокъ уголовнаго преслѣдованія. Сверхъ того, современный процессъ, въ отличіе отъ прежней памяти инквизиціоннаго разбирательства, отказался видѣть въ подсудимомъ простой объектъ изслѣдованія, обязанный и съ своей стороны содѣйствовать надлежащему ходу правосудія. Онъ болѣе не знаетъ процессуальнаго проступка, состоящаго въ нарушеніи такой обязанности, и предоставляетъ подсудимому широкій просторъ дѣятельности. Онъ болѣе и болѣе ограничиваетъ допросъ обвиняемаго, и изслѣдованіе дѣла возлагаетъ на судъ и публичное обвиненіе, пользующіеся для того значительными мѣрами государственной помощи. Въ виду такой постановки процесса, поведеніе обвиняемаго во время слѣдствія и суда не можетъ быть приводимо ни въ какую связь съ исходомъ судебнаго разбирательства.

Но само собою разумѣется, что, отвѣчая за всѣ послѣдствія правосудія, государство имѣетъ право обратнаго иска къ тѣмъ, кто сознательно и умышленно направилъ правосудіе на ложный путь. Обманъ (dolus malus, fraus), учиненный или посторонними лицами, или самимъ подсудимымъ, уста-

повлечетъ отвѣтственность ихъ предъ государствомъ, гражданскую и даже уголовную. Важно лишь, чтобы отъ обмана отличались случаи, которые въ себѣ этого признака не заключаютъ и основаніемъ гражданскаго иска служить не могутъ по началу: qui suo jure utitur neminem laedit.. Таковы случаи запирательства и даже невѣрныхъ показаній, исходящихъ отъ подсудимаго для устраненія висящаго на немъ обвиненія.

Такъ ставится и рѣшается теоретически вопросъ о принципѣ права на вознагражденіе за неправильно понесенное наказаніе. Что касается, затѣмъ, *размѣра* вознагражденія, то онъ опредѣляется полнымъ объемомъ вреда, причиненнаго неправильнымъ и въ установленномъ порядкѣ отмѣненнымъ приговоромъ. Вознагражденію подлежитъ не только ущербъ (damnum emergens), но и всѣ доказанные убытки (lucrum cessans), отъ приговора послѣдовавшіе, подобно тому, какъ при постановленіи противозаконнаго приговора виновныя въ томъ лица подлежатъ отвѣтственности въ полной мѣрѣ (ст. 680 и сл. т. X ч. 1 зак. гражд.).

Могутъ замѣтить, что столь широкая обязанность вознагражденія окажется непосильною для государственнаго казначейства. Но опасеніе это, будучи, по свойству своему, чисто практическимъ и отнюдь неподрывающимъ силы выставленныхъ выше началъ, вмѣстѣ съ тѣмъ представляется и само по себѣ едва-ли состоятельнымъ. При современномъ состояніи уголовнаго судопроизводства, когда подсудимому во время разбирательства предоставлены широкія права защиты, возможность неправильныхъ обвинительныхъ приговоровъ весьма слаба. Значительный процентъ ихъ, притомъ, будетъ сводится къ винѣ частныхъ или должностныхъ лицъ, за которыхъ государство или совсѣмъ не отвѣчаетъ, или отвѣчаетъ только при условіи несостоятельности. Вычитая эти случаи, государству придется уплачивать за послѣдствія неправильныхъ приговоровъ крайне рѣдко. Но та скромная и совершенно незамѣтная въ общемъ бюджетѣ цифра, которая потребуется для намѣченной цѣли, доставитъ весьма важные моральные результаты для всего гражданскаго общества,

которое можетъ тогда, но только тогда, быть убѣжденнымъ, что жертвы, потребныя для правосудія, не остаются непскупленными.

VII.

Матерьяльное вознагражденіе за имущественный вредъ, невинно осужденнымъ отъ наказанія понесенный, есть право потерпѣвшаго. Иначе ставится этотъ вопросъ относительно лицъ, невинно къ суду уголовному привлеченныхъ; удовлетвореніе ихъ за понесенный отъ того имущественный вредъ должно быть равнымъ образомъ признано, но не какъ право, а какъ мѣра политики; не какъ уплата долга въ смыслѣ гражданскаго законодательства, а только какъ государственное пособіе нуждающимся въ опомъ.

Но прежде, чѣмъ перейдти къ доказательству и развитію этой мысли, намъ необходимо расчистить нѣсколько почву.

Литература интересующаго намъ вопроса въ высшей степени богата аналогіями, приводимыми для разрѣшенія его. Конечно, такое явленіе объясняется отсутствіемъ прямаго общепризнаннаго начала, которымъ-бы этотъ вопросъ съ несомнѣнностью обнимался и объяснялся. Поэтому и защитники, и противники государственнаго вознагражденія, вынуждаются подкрѣплять свои доводы ссылкою на отношенія, подобныя тому, которое установляется между оправданнымъ подсудимымъ и привлекающимъ его къ суду государствомъ, перенося установившіяся уже для такихъ отношеній начала и на вопросъ о государственномъ вознагражденіи за привлеченіе къ суду.

Но пріемъ этотъ въ самомъ себѣ заключаетъ серьезную опасность. Тождественными могутъ быть объявлены отношенія, между которыми въ дѣйствительности существуетъ лишь болѣе или менѣе отдаленное внѣшнее сходство, при отсутствіи внутренняго родства. Отсюда и невѣрность аналогій, дѣлаемыхъ при такихъ условіяхъ.

Защитники института вознагражденія особенно часто ссылаются на случай экспропріаціи. Поразительно, въ самомъ дѣлѣ, что государство, нуждаясь въ моемъ клочкѣ земли и

отбирая его отъ меня, или предписывая мнѣ, для предупрежденія скотскаго падежа, убить мой гуртъ, въ которомъ обнаружилась зараза, даетъ мнѣ вознагражденіе и за землю, и за скотъ; между тѣмъ какъ тоже государство, нуждаясь для цѣлей правосудія въ моей свободѣ, беретъ ее безмездно. Нельзя отрицать извѣстной близости между этими группами фактовъ; несомнѣнно, однако, что полнаго тождества они не представляютъ. Экспропріація есть принудительная покупка земли, нужной государству, скота, представляющаго опасность: естественно, что при покупкѣ предлагается и эквивалентъ за вещь—плата. Лишеніе-же свободы не имѣетъ ничего общаго съ куплею-продажею.

Указываютъ, далѣе, что государство принимаетъ на себя обязанность вознаграждать за вредъ отъ несчастій на эксплоатируемыхъ имъ желѣзныхъ дорогахъ, и отсюда заключаютъ объ обязанности его вознаграждать за вредъ, отъ лишенія свободы происходящій. Но въ первомъ случаѣ государство дѣйствуетъ какъ частный предприниматель, во второмъ оно выступаетъ какъ представитель судебнаго верховенства.

Ссылаются и на вознагражденіе, даваемое свидѣтелямъ, экспертамъ, а иногда и присяжнымъ засѣдателямъ. Однако, во 1-хъ, такое вознагражденіе обыкновенно составляетъ не общее правило, а исключеніе, допускаемое при дальности разстоянія, бѣдности и подобныхъ тому условіяхъ; во 2-хъ, оно дается лицамъ, служащимъ дѣлу правосудія, а не тѣмъ, противъ которыхъ направляются мѣры его.

Но едва ли не самая невѣрная аналогія, дѣлаемая защитниками идеи государственнаго вознагражденія, состоитъ въ сближеніи основаній его съ началомъ гражданскаго права объ отвѣтственности при ошибкѣ. Оправданіе подсудимаго, говорятъ, есть доказательство того, что подсудимый былъ привлеченъ къ суду по ошибкѣ и что, имѣй прокуратура и судьи пророческое предвидѣніе, они не привлекли-бы его къ суду. А такъ какъ отъ этой ошибки, въ которой подсуди-

мый неповиненъ, онъ понесъ вредъ, то государство, въ интересахъ и органами котораго ошибка была допущена, несетъ за нее отвѣтственность. Такая постановка вопроса въ высшей степени произвольна. Слѣдствіе, конечно, служитъ дѣлу суда, но въ характерѣ йхъ есть и черты различія. Слѣдствіе примѣняетъ свои мѣры по подозрѣнію, судъ выноситъ приговоръ по убѣжденію: ограничивать мѣропріятія слѣдственной дѣятельности условіемъ несомнѣннаго убѣжденія въ виновности, значило-бы парализировать ея надлежащій ходъ и обрекать уголовное правосудіе на полное безсиліе: притомъ, слѣдствіе имѣетъ цѣли, совершенно независимыя отъ вопроса о виновности—обезпеченіе явки подсудимаго, предупрежденіе сношеній его съ сообщниками, охраненіе слѣдовъ преступленія и т. под. А если такъ, то привлеченіе къ дѣлу лица, впослѣдствіи оправданнаго, и примѣненіе къ нему различныхъ принудительныхъ мѣръ, до лишенія свободы включительно, еще недоказываетъ ошибки слѣдственной власти: она дѣйствовала въ предѣлахъ своихъ правъ и обязанностей, отличающихся отъ правъ и обязанностей суда. Самостоятельность задачъ слѣдствія признать необходимо, разъ государство призвано служить уголовнымъ правосудіемъ дѣлу порядка. Съ отпаденіемъ-же фикціи ошибки падаетъ и выводъ, на ней основанный.

Но аналогіи, приводимыя *противниками* обязанности государственнаго вознагражденія, равнымъ образомъ оказываются слабыми.

Всего чаще ссылаются они на начало гражданскаго права: qui jure suo utitur neminem laedit. А такъ какъ государство, примѣняя подслѣдственное задержаніе, осуществляетъ лишь принадлежащее ему верховное право юстиціи, то осуществленіе его, говорятъ, и не можетъ дать мѣста вопросу о государственной отвѣтственности за происшедшій отъ того вредъ. Такъ, во имя своего верховнаго права, государство возлагаетъ на гражданъ обязанность нести военную службу, являться по вызову суда въ качествѣ свидѣтеля, эксперта или при-

сяжнаго засѣдателя, не становясь, однако, обязаннымъ вознаграждать за исполненіе ихъ. Бываютъ случаи, когда отъ обязанности безмездной, на какое нибудь лицо возложенной, происходитъ вредъ для третьихъ лицъ,—и однако фактъ этотъ не создаетъ обязанности государственнаго вознагражденія; такъ напр. если взятый въ военную службу отъ тягостей ея заболѣлъ или умеръ, или даже убитъ, то вредъ, семью его понесенный, никѣмъ не вознаграждается. Подобно этому, говорятъ, государство устанавливаетъ повинность каждаго подчиняться мѣрамъ, необходимымъ для отправленія уголовнаго правосудія, причемъ и осуществленіе такой повинности несвязано съ обязанностью государственнаго вознагражденія.

Однако, эта аналогія не выдерживаетъ критики, ибо во 1-хъ, начала частнаго гражданскаго права представляется невозможнымъ переносить цѣликомъ на отношенія публичныя; во 2-хъ, изъ обязанности подчиняться мѣрамъ государственнаго правосудія вытекаетъ лишь отвѣтственность за сопротивленіе власти, распоряжающейся о задержаніи; но разъ повиновеніе оказано, то между повинующимся и требующимъ повиновенія установляется юридическое отношеніе, изъ котораго, въ свою очередь, вытекаютъ соотвѣтствующія права и обязанности; въ 3-хъ, такія положенія, какъ судейское, свидѣтельское и даже военное, существенно отличаются отъ положенія обвиняемаго; первыя означаютъ почетъ, общественное довѣріе; второе есть синонимъ позора; за трудъ, требуемый отъ первыхъ, государство вознаграждаетъ именно тѣмъ почетомъ и тѣмъ вліяніемъ, съ которымъ онѣ соединяются; къ лишенію же, сопровождающему второе, присоединяется еще придатокъ позора. И несмотря на то, въ первомъ случаѣ къ почету государство прибавляетъ еще иногда и денежное вознагражденіе.

Не менѣе шатка и другая аналогія, къ которой прибѣгаютъ противники идеи государственнаго вознагражденія. Лицо, говорятъ они, призванное къ исполненію воинской службы, обязанностей опекуна или присяжнаго засѣдателя, и освобождаемое отъ этого вслѣдствіе оказавшейся неспособности, не

получаетъ однако права на вознагражденіе потому только, что оно оказалось неспособнымъ, что государство, въ дѣйствительности, не имѣло интереса обращаться къ нему. Точно также, заключаютъ они, хотя оправданіе подсудимаго и доказываетъ, что привлеченіе его къ суду несовпадало съ дѣйствительными интересами государственной справедливости, однако изъ этого еще не вытекаетъ государственной обязанности вознагражденія [1]). Шатка эта аналогія потому, что повинность воина, опекуна, присяжнаго засѣдателя, можетъ быть возложена государствомъ на *всякое лицо*, позоръ же подсудимости долженъ ограничиваться тѣснымъ кругомъ преступниковъ. Повинности перваго рода коренятся въ общегражданскихъ обязанностяхъ, лишенія втораго—въ исключительномъ состояніи уголовной виновности. Послѣдняя составляетъ необходимое ихъ предположеніе, отсутствіе котораго доказываетъ и отсутствіе права на примѣненіе ихъ.

Наконецъ, встрѣчается еще одно уподобленіе, дѣлаемое противниками идеи вознагражденія. Они указываютъ на юридическое правило „casum sentit dominus“, и затѣмъ аргументируютъ такъ: при предварительномъ задержаніи, согласномъ съ законами, но впослѣдствіи оказывающемся примѣненнымъ къ невинному, нѣтъ ничьей чужой вины; должностныя лица, задержаніе примѣнившія, невиновны потому, что они оставались въ предѣлахъ закона; государство, такой законъ постановившее, вынуждено было къ тому крайнею необходимостью, ибо безъ него достиженіе задачъ правосудія было бы невозможно, по крайней мѣрѣ въ данный періодъ его исторической жизни оно не можетъ обойтись безъ этихъ мѣръ. А если нѣтъ ничьей вины, то происшедшій отъ факта задержанія вредъ долженъ быть отнесенъ или на счетъ случая, послѣдствія котораго несетъ на себѣ хозяинъ нарушенныхъ благъ, т. е. привлеченный къ суду, или даже на счетъ его собственной вины. Но, во 1-хъ, приведенное правило гражданскаго права относится собственно къ явленіямъ, отъ безсознательныхъ, стихійныхъ силъ происходящимъ, между

[1]) Klonecker, в. с. стр. 25.

тѣмъ какъ въ разематриваемомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ вредомъ отъ виолнѣ сознательныхъ дѣйствій органовъ государства; во 2-хъ, эта regula juris—палка о двухъ концахъ; ее можно толковать и такъ: dominus— государство, привлекшее невиннаго къ суду; casus— это то стеченіе обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ къ суду привлеченъ не виновный, а невинный: значитъ, этотъ casum и долженъ почувствовать dominus, государство, вознаградивъ невинно къ суду привлеченнаго. Можно прибавить еще, что юридическое основаніе имущественной отвѣтственности коренится въ понятіи причинности, а не въ понятіи вины.

Устранивъ эти ошибочныя аналогіи, обратимся къ существу вопроса.

VIII.

Прочно и твердо стоитъ право государства на изслѣдованіе уголовныхъ дѣлъ. Не менѣе твердо стоитъ право его на примѣненіе мѣръ процессуальнаго принужденія, необходимыхъ для успѣшнаго хода уголовнаго правосудія. Изъ него вытекаетъ право приглашенія въ судъ свидѣтелей и обязанность ихъ давать показанія по дѣлу; право приглашенія гражданъ къ исполненію функцій присяжныхъ засѣдателей, экспертовъ, окольныхъ людей. Изъ него же вытекаетъ и право привлеченія къ суду лицъ подозрѣваемыхъ, съ принятіемъ относительно ихъ тѣхъ мѣръ, которыя необходимы для обезпеченія успѣха и дѣйствительности судебной дѣятельности.

Ясно, однако, что право судебнаго изслѣдованія имѣетъ характеръ права производнаго, что функція суда представляется служебною по отношенію къ другой, главной функціи— карательной. Право изслѣдованія въ порядкѣ уголовно-судебномъ существуетъ лишь тогда и настолько, когда и насколько существуетъ право наказанія. Въ тѣ же предѣлы заключено и право примѣненія мѣръ принужденія къ подозрѣваемымъ.

По печальной неизбѣжности, человѣческое правосудіе направляетъ нерѣдко свои мѣры и противъ невинныхъ, тор-

жественно затѣмъ оправдываемыхъ. Грубое, некультурное общество скажетъ ему: уходи и будь доволенъ, что дешево отдѣлался. Для общества съ высшей культурой, оправданіе пострадавшаго при слѣдствіи означаетъ несправедливое, незаслуженное страданіе, возбуждающее къ невинно понесшему его наше сочувствіе. Въ нашемъ представленіи возникаетъ идея, что судъ, причинивъ такое страданіе, сталъ факторомъ несправедливости, что искупить ее необходимо въ виду моральныхъ интересовъ самого правосудія. „Когда—сказалъ еще своимъ увлекательнымъ языкомъ Бентамъ—невинный былъ задержанъ, лишенъ свободы, покрытъ позоромъ подозрѣнія, осужденъ ко всѣмъ мукамъ судебнаго разбирательства и продолжительнаго узничества, то не только въ его интересахъ, но въ интересахъ самаго государственнаго правосудія, онъ долженъ получить вознагражденіе. Желательно ли, чтобы зло, причиненное учрежденною для преслѣдованія зла юстиціею, оставалось неискупленнымъ?“

Прошли вѣка, а избѣжать привлеченія къ уголовному суду невинныхъ человѣчество еще не научилось; настанутъ новые вѣка—и все же эти случаи будутъ повторяться. Они неизбѣжны и потому не могутъ быть объясняемы ни временнымъ несовершенствомъ законовъ, ни случайными ошибками. Предварительное изслѣдованіе направлялось и должно будетъ направляться противъ многихъ невинныхъ, для того, чтобы найти одного виновнаго. Зло это можно сократить, но прекратить его вполнѣ невозможно. Оно лежитъ въ самой природѣ изслѣдованія судебнаго, въ задачахъ, ему поставленныхъ.

Но именно неизбѣжность этаго зла и создаетъ необходимость умѣрить, по возможности ослабить его. Если общество оказалось не въ силахъ его предупредить, оно должно искупить его.

Въ одни и тѣ же двери суда входятъ гражданскій истецъ и уголовный обвинитель. Проигрываетъ искъ первый—на него обращаются судебныя издержки, съ него противная сторона получаетъ расходы за веденіе дѣла, вполнѣ вознаграждающіе ее за привлеченіе къ процессу. Государственные

интересы требуютъ, чтобъ на обвинителѣ уголовномъ не висѣлъ такой дамокловъ мечъ, чтобы частныя и должностныя лица не опасались вчинать дѣлъ уголовныхъ; во имя этихъ интересовъ, государство можетъ снять съ обвинителей имущественную отвѣтственность и перенести ее на себя; но къ совершенному уничтоженію такой отвѣтственности нѣтъ ровно никакихъ юридическихъ основаній.

Факты новѣйшаго времени даютъ возможность поставить вопросъ еще шире. Въ дѣйствующихъ уголовныхъ кодексахъ Западной Европы уже успѣло получить прочную осѣдлость правило о зачетѣ предварительнаго ареста въ наказаніе, или по усмотрѣнію суда, или даже по категорическому предписанію самаго закона. Подобное же правило проектировано и коммисіею уголовнаго уложенія [1]). Но въ предварительномъ задержаніи нельзя видѣть уменьшающаго вину обстоятельства, такъ какъ оно не сопровождаетъ дѣянія, а слѣдуетъ за нимъ и примѣняется независимо отъ воли виновнаго. Предварительный арестъ, такимъ образомъ, не уменьшая вины, засчитывается въ наказаніе, и этотъ зачетъ есть способъ вознагражденія, наиболѣе пригодный для осужденнаго. Но если нынѣ государство находитъ нужнымъ вознаградить за подслѣдственное задержаніе даже осужденнаго, то во сколько разъ болѣе сильные доводы могутъ быть приведены въ пользу вознагражденія оправданныхъ? И далѣе: если современная мораль признаетъ справедливымъ вознаграждать даже осужденнаго, то привлеченіе къ суду уголовному вообще, и въ частности, предварительное задержаніе, уже *само по себѣ*, безотносительно къ исходу процесса, не составляетъ ли достаточнаго основанія для идеи вознагражденія?

Мы склоняемся къ утвердительному отвѣту на этотъ вопросъ. Каждое привлеченіе къ суду уголовному, особенно же сопровождающееся лишеніемъ свободы, причиняя вредъ привлекаемому индивиду, вмѣстѣ съ тѣмъ причиняетъ вредъ

[1] Ст. 5 проекта редакціонной коммисіи, предварительное заключеніе можетъ быть засчитано въ наказаніе, если виновный приговаривается къ заключенію на срокъ не свыше шести лѣтъ, къ исправительному дому, тюрьмѣ или аресту.

и обществу. Не слѣдуетъ ограничиваться при оцѣнкѣ его ближайшими его послѣдствіями, въ виду которыхъ оно представляется, при существующихъ условіяхъ, мѣрою неизбѣжною и необходимою; нужно принять во вниманіе и послѣдствія отдаленныя. Оно сопровождается позоромъ, т. е. такимъ факторомъ, который, будучи оставленъ безъ противодѣйствія, становится причиною новыхъ преступленій; оно сопровождается экономическимъ разореніемъ индивида, которое также можетъ стать причиною преступленій въ будущемъ. Если даже въ институтѣ наказанія современное общество преслѣдуетъ иныѣ цѣль возстановленія павшаго сочлена, облегченія ему возможности стать на дорогу честной жизни и сдѣлаться полезнымъ членомъ общежитія; если для насъ стало уже ясно, что наказаніе, исключительно сведенное къ понятію зла для наказываемаго, ничего кромѣ зла не можетъ доставить и для общества; то тѣмъ болѣе слѣдуетъ избѣгать введенія элемента невознаградимаго зла въ мѣропріятія, наказанію предшествующія и обнимающія несравненно болѣе широкій кругъ лицъ. Тяжесть лишеній подсудимости для отдѣльнаго лица слишкомъ велика; возлагая на плечи его все бремя этихъ лишеній, мы рискуемъ создать опасность, что для индивида оно окажется непосильнымъ, а это приведетъ къ результатамъ, крайне невыгоднымъ для общества. Собственный интересъ общества требуетъ снятія возможно большей части этого бремени съ отдѣльныхъ лицъ, для коихъ оно непосильно, и распредѣленія его между всѣми. Распущенное въ массѣ народной, оно станетъ почти нечувствительнымъ и для привлекаемаго къ суду, и для прочихъ гражданъ.

Переходъ отъ существующаго нынѣ порядка къ государственному пособію потерпѣвшихъ невинно вредъ отъ привлеченія къ суду будетъ переходомъ отъ политики близорукости къ болѣе моральной, болѣе согласной и съ требованіями нравственнаго чувства, и съ интересами общественной пользы, политикѣ дальновидности. Одинаково въ своемъ *правѣ* находятся и Китай, наказывающій преступника бамбукомъ, и Бельгія, заключающая осужденнаго въ смирительный домъ, гдѣ ста-

раются увеличить сумму его полезныхъ познаній, познакомить его съ честнымъ производительнымъ мастерствомъ, которое дало бы ему средства жизни по освобожденіи; но Китай имѣетъ въ виду только ближайшія послѣдствія наказанія, Бельгія же помнитъ и болѣе отдаленныя, что въ отношеніи моральномъ ставитъ ее несравненно выше Китая. [1]).

Зачитывая осужденному предварительное заключеніе въ наказаніе, государство смягчаетъ ему бремя судимости и тѣмъ даетъ посильное вознагражденіе за вредъ, задержаніемъ причиненный. Оправдывая бывшаго арестанта, общество въ собственныхъ интересахъ должно облегчить ему возвратъ къ честной жизни на свободѣ. Для всѣхъ оправданныхъ средствами такого облегченія представляются мѣры, направленныя къ устраненію позора судимости, состоящія въ идеальномъ вознагражденіи. Мѣры эти совершенно достаточны для лицъ зажиточныхъ, располагающихъ собственнымъ капиталомъ, который оставляетъ имъ возможность продолжать жизнь честнаго труда по освобожденіи. Но для лицъ, экономическое благосостояніе которыхъ подорвано судимостью, къ этимъ мѣрамъ долженъ присоединиться имущественный придатокъ матеріальнаго со стороны государства пособія.

При какихъ условіяхъ, въ какомъ размѣрѣ и порядкѣ такое пособіе или вознагражденіе опредѣляется,—вопросы, которые будутъ разсмотрѣны далѣе. Теперь же мы должны пойти на встрѣчу возраженіямъ, приводимымъ противъ самаго существованія его.

Возраженія эти трояkаго рода: юридическія, политическія и экономическія.

Юридическія возраженія опираются на то, что привлеченіе къ суду есть актъ принадлежащаго государству верховнаго права юстиціи, который какъ таковой не оставляетъ мѣста понятію отвѣтственности. На этотъ доводъ мы уже отвѣтили. Конечно, примѣняя мѣры изслѣдованія уголовныхъ дѣлъ, государство остается въ своемъ правѣ; но кромѣ бли-

[1]) Spencer, the data of ethics; 1881, стр. 109, 112 и слѣд.

найшихъ послѣдствій этихъ мѣръ необходимо имѣть въ виду и болѣе отдаленныя. Совокупность же ихъ съ очевидностью указываетъ на пользу и даже необходимость вознагражденія.

Тотъ же аргументъ формулируется иногда нѣсколько иначе. Каждый гражданинъ, говорятъ, обязанъ служить дѣлу правосудія; если, поэтому, онъ навлекъ на себя подозрѣніе, онъ долженъ дать отвѣтъ передъ судомъ и подчиниться тѣмъ мѣропріятіямъ, которыя необходимы для раскрытія истины. Являясь обязанностью, подчиненіе имъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выгодно для самаго подчиняющагося, ибо оно содѣйствуетъ разъясненію его невинности. Личная обязанность и личный интересъ, такимъ образомъ, приводятся какъ аргументы противъ государственнаго вознагражденія. Но съ перваго взгляда ясно, что доводы эти идутъ далеко за предѣлы искомаго. Если бы, дѣйствительно, на каждомъ лицѣ, даже вопреки его интересовъ, лежала обязанность содѣйствовать правильному ходу правосудія, то мы должны бы были придти къ обязанности обвиняемаго давать суду правильныя показанія, къ отвѣтственности его за запирательство и ложныя показанія, мы должны бы были оправдать всѣ тѣ мѣры принужденія, которыя практиковались инквизиціоннымъ процессомъ. Что же касается личнаго интереса, то вполнѣ очевидно, что интересъ каждаго лица состоитъ въ непривлеченіи его къ суду гораздо болѣе, чѣмъ въ исходѣ привлеченія.

Переходя, въ частности, къ предварительному задержанію, противники идеи вознагражденія стараются опереть свои взгляды на юридической природѣ мѣръ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Сущность этихъ мѣръ, говорятъ они, состоитъ въ обезпеченіи явки къ суду (cautio de judicio sisti); принятіе такихъ мѣръ обезпеченія не составляетъ нарушенія чьего-бы то ни было права и не можетъ дать мѣста обязанности вознагражденія потому, что, назначая ихъ, государство не совершаетъ ни какой вины. Что касается первой части этой аргументаціи, то она согласна съ идеей мѣръ пресѣченія, но расходится съ дѣйствительностью; на самомъ дѣлѣ, несмотря на всѣ старанія, мѣры

пресѣченія продолжаютъ быть весьма чувствительными лишеніями для личности; какъ-бы ни успокоивалъ себя юристъ тѣмъ, что предварительное задержаніе, по природѣ своей, не есть лишеніе, но для арестованнаго оно составляетъ почти столь же, а иногда даже и болѣе ощутительное лишеніе, какъ и наказаніе. Вторая часть аргументаціи построена на смѣшеніи имущественной отвѣтственности съ виною. Малолѣтній разбиваетъ мою вазу, умалишенный поджигаетъ мой домъ, чужая собака разрываетъ мое платье,— я имѣю право иска къ родителямъ, опекунамъ или хозяину за причиненный мнѣ вредъ, хотя-бы со стороны ихъ не было никакой вины; основаніе моего права иска лежитъ въ причинной связи между вредомъ и дѣйствіемъ или упущеніемъ со стороны третьяго лица, а не въ виновности его. Въ согласномъ съ законами заарестованіи лица, впослѣдствіи оправдываемаго, конечно, нѣтъ вины ни должностныхъ лицъ, — ибо они дѣйствовали по закону,—ни государства, ибо законы, имъ установленные, исходятъ изъ его права. Прибѣгать къ фикціи несовершенства законовъ, для того, чтобы отнести заарестованіе на счетъ вины государства, представляется неправильнымъ потому, что доводъ о несовершенствѣ закона можетъ имѣть значеніе тогда лишь, ежели-бы онъ сопровождался указаніемъ закона безусловно совершеннаго, то-есть такого, при которомъ вполнѣ предупреждалось-бы привлеченіе къ суду невинныхъ; безъ такого указанія, очевидно невозможнаго, онъ теряетъ всякую силу; если же совершенство понимается въ смыслѣ относительномъ, а не безусловномъ, то оно ничему не помогаетъ, такъ какъ относительное несовершенство законовъ составляетъ вполнѣ естественный продуктъ любаго періода исторической жизни всякаго государства. Но въ фикціи этой нѣтъ и надобности, ибо понятіе имущественной отвѣтственности сводится къ понятію причинности, а не къ понятію вины. Поэтому и государство, установленіями котораго причиняется кому-либо вредъ, можетъ быть привлекаемо къ отвѣтственности за оный.

Политическія возраженія, приводимыя противъ идеи госу-

дарственнаго вознагражденія оправданныхъ, суть 1) даваемая судомъ награда можетъ служить приманкою для совершенія преступленій; 2) она можетъ вызвать фиктивныя обвиненія, направленныя къ тому лишь, чтобы получить деньги изъ государственнаго казначейства за оправданіе (Ульманъ, Кронекеръ); 3) она сопряжена съ опасностью увеличенія неискренности и запирательства у обвиняемыхъ, что значительно затруднитъ успѣшный ходъ уголовнаго правосудія (Шеллингъ, Кронекеръ).

Выше замѣчено уже, что государственное вознагражденіе за привлеченіе къ суду невинныхъ должно быть понимаемо не какъ награда, а какъ помощь, оказываемая государствомъ, въ видахъ наиболѣе равномѣрнаго распредѣленія тягостей подсудимости и происходящаго отъ того вреда. Поставленное въ эти предѣлы, вознагражденіе за привлеченіе къ суду никогда не будетъ приманкою, достаточно сильною для опасеній, которыя указываются противниками разематриваемаго института. По кромѣ этого общаго замѣчанія, мы имѣемъ и частныя противъ каждаго приведеннаго возраженія.

Наиболѣе слабо первое изъ нихъ. Преступность, при современномъ складѣ обществъ, вызывается причинами, до такой степени могучими и разнообразными, что опасаться сколько нибудь серьезно увеличенія ея изъ-за желанія получить плату при оправданіи, нѣтъ ровно никакихъ основаній. Дай Богъ — скажемъ вслѣдъ за Гейеромъ, — чтобы вся преступность свелась къ такому простому фактору. Притомъ, кромѣ шансовъ оправданія, виновный имѣетъ еще болѣе вѣроятные шансы осужденія.

Второе возраженіе ссылается на толпы злоумышленниковъ, живущихъ въ крупныхъ центрахъ населенія, извращающихъ свои способности на эксплуатацію другихъ. У насъ, въ Россіи, такой классъ лицъ еще не пріобрѣлъ гражданства, менѣе для насъ и страшенъ. Притомъ, въ огромной части случаевъ, мѣры противъ него лежатъ въ самомъ складѣ новаго процесса, въ правѣ оцѣнки дѣла не по формальнымъ доказательствамъ, а по свободному убѣжденію и совѣсти судей.

Затѣмъ, тѣ случаи, которые ускользнутъ отъ этой мѣры, до такой степени будутъ незначительны, что ихъ можно вовсе не принимать въ расчетъ при общемъ, принципіальномъ рѣшеніи разсматриваемаго вопроса.

Наконецъ, третье возраженіе, высказанное и въ средѣ германскаго парламента (депутатомъ Шеллингомъ), носитъ на себѣ слѣды стараго процесса, преувеличивавшаго значеніе сознанія.

Экономическія возраженія исходятъ изъ того, что матерьяльное вознагражденіе всѣхъ оправданныхъ ляжетъ крайне тяжелымъ, непосильнымъ бременемъ на государственный бюджетъ. Но сумма, которая можетъ потребоваться для этой цѣли, зависитъ отъ условій и размѣра вознагражденія, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и переходимъ.

IX.

Главнѣйшая и труднѣйшая часть вопроса о государственномъ вознагражденіи за привлеченіе къ суду состоитъ въ опредѣленіи, за какими именно категоріями обвиняемыхъ можетъ быть признано право на такую мѣру государственной помощи. Чувствуется и несправедливость, и невозможность расточать ее всѣмъ и каждому; это означало-бы налогъ на невинность въ пользу виновнаго. Отсюда запросъ на ограниченія, на предѣлы, въ которыхъ право на вознагражденіе было-бы разумною и полезною мѣрою общественной помощи.

Ограниченія эти можно искать или въ личности претендующаго на вознагражденіе, или въ свойствѣ и важности вреда, подлежащаго возмѣщенію, или, наконецъ, въ размѣрахъ вознагражденія.

Ограниченія по лицамъ, въ свою очередь, могутъ лежать или въ степени доказанности невиновности по дѣлу, или въ процессуальномъ поведеніи подсудимаго, или въ его экономическомъ положеніи.

Всего естественнѣе, повидимому, намѣтить предѣлы вознагражденія доказанностью невинности. Наше сочувствіе и

наше сожалѣніе возбуждаютъ далеко не всѣ оправданные подсудимые, а только тѣ изъ нихъ, невинность коихъ оказалась очевидною, которые такимъ образомъ пострадали совершенно напрасно. Ловкачъ, добившійся оправдательнаго приговора стачкою со свидѣтелями, наймомъ искуснаго защитника, расточеніями слезъ и клятвами надъ евангеліемъ, можетъ только благодарить свою счастливую звѣзду, и предоставленіе ему права на какія-бы то ни было претензіи къ обществу противорѣчитъ всего болѣе нашему чувству мѣры и права. Н. А. Буцковскій завѣщалъ свой капиталъ для первоначальнаго пособія „... тѣмъ по суду оправданнымъ, которыхъ невинность окажется очевидною, а не признанною только по неполности улик“. Сэръ Джонъ Ромильи въ 1803 году предлагалъ англійскому парламенту вотировать законъ о вознагражденіи тѣхъ только оправданныхъ, которые будутъ судомъ признаны его заслуживающими. Въ новѣйшее время, въ Германіи къ этому взгляду примкнули Мейеръ, Ульманъ и Шварце; формула перваго, предложенная XI съѣзду германскихъ юристовъ, пополнена вторымъ, а Шварце исправилъ ее и сообщилъ ей окончательную отдѣлку. Согласно этимъ юристамъ, право на вознаграждеeіе признается:

а) если улики, имѣвшіяся противъ обвиняемаго, совершенно устранены по судебному разбирательству [1]);

б) если дѣяніе, за которое подсудимый привлеченъ къ суду, признано ненаказуемымъ по закону уголовному;

в) если задержанный докажетъ, что дѣяніе, за которое онъ былъ лишенъ свободы, вовсе не было учинено [2]).

Причемъ наличность этихъ условій, по мнѣнію Шварце, разрѣшается соображеніемъ мотивовъ, на которыхъ уголовный приговоръ основывался, а по дѣламъ, подлежащимъ обсуж-

---

[1]) Формула Ульмана и Мейера гласила: „если по судебному разбирательству выяснилось, что преступное дѣяніе не было учинено обвиняемымъ данымъ лицомъ“. Формула Шварце шире, обнимая и тѣ случаи, когда возможно сомнѣніе, не было ли учинено дѣяніе подсудимымъ.

[2]) Шварце замѣняетъ слова «задержанный докажетъ» словами: «будетъ доказано».

дѣнію съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, обозрѣніемъ актовъ слѣдственнаго и судебнаго производства.

Переводя эту теорію на языкъ нашего процессуальнаго законодательства, слѣдовало бы сказать: вознагражденія не получаютъ лица, о которыхъ состоялся приговоръ по 2 пункту 771 ст. уст' угол. суд.; изъ лицъ же, о которыхъ приговоръ постановленъ по 1 пункту 771 уст. угол. суд., вознагражденіе получаютъ лишь а) тѣ оправданные, дѣяніе коихъ признано невоспрещеннымъ законами подъ страхомъ наказанія; б) нѣкоторые изъ оправданныхъ по недоказанности обвиненія: затѣмъ, всѣ тѣ оправданные, дѣяніе коихъ признано неподлежащимъ вмѣненію или наказанію, а равно и оправданные по недоказанности обвиненія, если остается какое либо сомнѣніе въ ихъ виновности, правомъ на вознагражденіе не пользуются.

Но противъ такого рѣшенія вопроса говорятъ многіе весьма вѣскіе доводы.

Прежде всего, оно не вѣрно *юридически*. Привлекаемый къ суду послѣ истеченія давности, послѣ манифеста или другой законной причины прекращенія дѣла, столь-же *невинно* подвергается лишеніямъ подсудимости вообще и предварительнаго ареста въ частности, какъ и привлекаемый къ суду за дѣяніе, оказывающееся непредусмотрѣннымъ закономъ уголовнымъ: въ обоихъ случаяхъ одинаково нѣтъ основаній для уголовнаго обвиненія, въ обоихъ случаяхъ не существуетъ права на наказаніе. Не дѣлается вѣдь въ процессѣ гражданскомъ, при обращеніи издержекъ производства на проигравшую дѣло сторону, различія смотря потому, отвергнутъ ли ея искъ вслѣдствіе истеченія давности, или невѣрнаго пониманія и толкованія закона. Еще менѣе убѣдительно лишеніе вознагражденія оправданныхъ по той причинѣ, что дѣяніе имъ не вмѣнено въ вину, такъ какъ къ этой процессуальной группѣ подходятъ случаи необходимой обороны, непреодолимаго принужденія и случайной ошибки: для каждаго ясно, что лице, оправданное по одному изъ этихъ титуловъ, столь-же невинно было привлечено къ суду и столь-же невинно

подвергалось лишеніямъ подсудимости, какъ и тѣ лица, въ защиту которыхъ высказывается разсматриваемая теорія. Но самый слабый пунктъ ея состоитъ въ стремленіи установить различіе между оправданными по силѣ доказательствъ виновности, оставшихся послѣ оправдательнаго приговора. Такая мѣра значила-бы возвратъ къ прежнему, тройному дѣленію судебныхъ приговоровъ, въ которомъ видное мѣсто играли приговоры объ остановленіи въ подозрѣніи, или not proven шотландскаго процеса. Причины, по которымъ эта средняя форма приговоровъ отмѣнена, до такой степени серьезны, что возвращаться къ ней и вводить ее снова, подъ другимъ флагомъ, крайне нежелательно.

Съ точки зрѣнія современнаго процесса, во всѣхъ отношеніяхъ заслуживающей поддержки, невинный есть тотъ, кто оправданъ подлежащимъ судомъ, въ установленномъ для того порядкѣ. Только этотъ признакъ представляетъ необходимую для юридическихъ отношеній прочность, всякія же попытки измѣненія или ограниченія его вносятъ въ дѣло неясность и произволъ [1]). Силу этого возраженія пытаются (Шварце) ослабить тѣмъ аргументомъ, что вопросъ о вознагражденіи стоитъ отдѣльно и независимо отъ вопроса объ уголовныхъ послѣдствіяхъ обвиненія; уголовный искъ, говорятъ, разрѣшенъ приговоромъ суда уголовнаго окончательно и безповоротно, уголовнымъ приговоромъ исчерпаны всѣ карательныя стороны дѣла и никакого измѣненія въ нихъ допущено быть не можетъ; что же касается вопроса о вознагражденіи, то имъ обнимается лишь гражданско-правовая сторона дѣла, неимѣющая никакого вліянія на его уголовно-юридическую сторону. Однако, доводъ этотъ неубѣдителенъ. Если вознагражденіе условливается степенью доказанности невиновности, то назначеніе или неназначеніе вознагражденія предполагаетъ сужденіе о томъ самомъ фактѣ, который легъ въ основаніе уголовнаго приговора; это сужденіе или оцѣнка неизбѣжно умѣньшаетъ

[1]) Выше замѣчено, что даже между представителями этого взгляда въ Германіи замѣчается существенное разнорѣчіе. Мейеръ и Ульманъ ограничивали только тѣхъ оправданныхъ, которые доказали сами, что дѣяніе учинено не ими, а инымъ лицемъ, или что дѣянія вовсе учинено не было. Шварце не соглашается съ этою формулою и расширяетъ ее.

силу оправдательнаго приговора, ослабляетъ его авторитетъ, и отказъ въ вознагражденіи оправданному неизбѣжно, въ глазахъ не юридически образованнаго большинства, будетъ означать признаніе со стороны суда, что противъ подсудимаго остались еще по дѣлу улики, которыхъ онъ не успѣлъ устранить окончательно. Тогда, кромѣ оправданныхъ и осужденныхъ, появится еще третій классъ лицъ, которыя, имѣя за собою оправдательный приговоръ, тѣмъ не менѣе будутъ признаваться обществомъ за лицъ виновныхъ, лишь по счастливому случаю *избѣжавшихъ* заслуженнаго наказанія. Въ этомъ лежитъ и огромное *уголовно-политическое* неудобство разсматриваемой теоріи: дѣятели работы, обращающіе теперь вниманіе только на то, обвиненъ или оправданъ занимающійся, будутъ требовать отъ оправданнаго удостовѣренія въ томъ, что имъ получено вознагражденіе за привлеченіе къ суду; такимъ образомъ, всѣ, неполучившіе его, станутъ въ то невыгодное положеніе, которое нынѣ занимаютъ въ общественномъ мнѣніи только осужденные: всѣ невинные, невинность которыхъ недоказана, будутъ сравнены съ виновными, вина которыхъ недоказана, и оба эти класса лицъ противопоставятся невиннымъ, которыхъ невинность доказана, и тѣмъ виновнымъ, которые, не доказавъ своей невинности, успѣли лишь опровергнуть доказательства, противъ нихъ обвиненіемъ предъявленныя. Вмѣсто справедливости, къ которой стремится разсматриваемая теорія, въ результатѣ ея получится крайняя несправедливость. Слѣдуетъ притомъ имѣть въ виду, что по конструкціи уголовнаго процесса подсудимому не принадлежитъ право требовать судебнаго изслѣдованія невинности: уголовный процессъ направляется лишь къ рѣшенію вопроса о наличности или отсутствіи, въ данномъ случаѣ, права государства на наказаніе, и съ установленіемъ, что такое право недоказано, цѣль уголовнаго суда исчерпана. Наконецъ, если-бы даже приведенныя возраженія были устранены, остается весьма трудный вопросъ: кто и какъ долженъ опредѣлять степень доказанности невинности, дающую право на вознагражденіе? Если

возложить эту функцію на уголовный судъ, при самомъ рѣшеніи уголовнаго дѣла по существу, то это приведетъ къ полному возстановленію средней формы уголовныхъ приговоровъ и едва ли правильно теоретически, ибо вознагражденіе можетъ быть даваемо лишь по требованію потерпѣвшаго, невозможному до оправдательнаго приговора, съ момента котораго только получается право требовать такое вознагражденіе. Если признать это функціею уголовнаго суда, разрѣшаемою послѣ приговора, то на чемъ же, на какихъ данныхъ, должепъ основываться судъ? На мотивахъ уголовнаго приговора, говоритъ Шварце. Но есть цѣлая группа приговоровъ, отъ которыхъ законъ не требуетъ приведенія мотивовъ, именно тѣ, которые постановляются присяжными засѣдателями; и вотъ, по дѣламъ такого рода, представители разсматриваемой теоріи рекомендуютъ рѣшеніе вопроса о вознагражденіи по актамъ письменнаго производства въ цѣломъ его объемѣ. Но такъ какъ при опредѣленіи вознагражденія, согласно разсматриваемой теоріи, ставится тотъ же вопросъ невиппости или виповности по обвиненію, который былъ предметомъ обсужденія присяжныхъ засѣдателей, то, значитъ, судьи коронные будутъ подвергать своему пересмотру фактическую сторону дѣла, предоставленную вѣдомству присяжныхъ засѣдателей,—выводъ, съ которымъ примириться пѣтъ никакой возможности. Прибавьте къ сказанному, что на судебномъ слѣдствіи обстоятельства дѣла, въ сравненіи съ слѣдствіемъ предварительнымъ, могутъ существенно измѣниться, что измѣненія эти не заносятся ни въ какіе письменные акты, и тогда съ очевидностью окажется, что судъ не можетъ быть признанъ органомъ, *способнымъ* дать правильное разрѣшеніе этому вопросу.

Таковы крайне важные, думаемъ—неопровержимые доводы, неоставляющіе возможности согласиться съ теоріею ограниченія вознагражденія по степени доказанности невиппости. Много усилій понадобилось человѣчеству для того, чтобы покончить съ приговорами объ оставленіи въ подозрѣніи. Начало

по которому всякій судебный приговоръ долженъ дать опредѣлительный отвѣтъ о виновности или невинности подсудимаго, которое не допускаетъ средней формы судебныхъ приговоровъ, должно быть отнесено къ числу важнѣйшихъ пріобрѣтеній цивилизаціи, съ труднаго боя полученныхъ у инквизиціоннаго процесса. Наша задача охранять, оберегать всѣми силами это начало, не допуская нарушеній его, какими бы флагами онѣ ни прикрывались.

Теорія, ограничивающая право на вознагражденіе условіемъ полной невинности по дѣлу, кромѣ приведенныхъ уже юридическихъ и уголовно-политическихъ доводовъ процессуальнаго характера, имѣетъ противъ себя и матерьяльно-правовыя начала. Мы видимъ въ ней отпрыскъ взгляда, высказываемаго нѣкоторыми [1]) новѣйшими криминалистами той же Германіи, по которому кара за преступленіе начинается гораздо раньше дѣйствительнаго исполненія опредѣленнаго судомъ наказанія, а именно включаетъ въ себя и всѣ мѣры уголовнаго процесса, противъ виновныхъ направляемыя. Такое расширеніе объемовъ кары понадобилось указаннымъ криминалистамъ для подкрѣпленія защищаемыхъ ими уголовныхъ теорій: одному — теоріи наказанія какъ юридической обязанности наказываемаго, другому — теоріи наказанія какъ мѣры общественнаго порицанія виновности. Но оно невѣрно, смѣшивая задачи суда съ задачами наказанія; судъ *служитъ* дѣлу карательной власти, но не *исполняетъ* его; онъ изслѣдуетъ виновность, но не наказываетъ ее; онъ имѣетъ передъ собою дѣло, а не лице; онъ судитъ, но не казнитъ. Поэтому передъ судомъ проходитъ такъ много невинныхъ, которыхъ карательная дѣятельность вовсе не касается. Это глубокое различіе между уголовнымъ процессомъ и карою слѣдуетъ имѣть въ виду, его и имѣютъ въ виду современныя законодательства при построеніи уголовной юстиціи. Мы болѣе и болѣе идемъ къ тому, что тяжесть уголовнаго процесса становится менѣе и менѣе чув-

[1]) Heinze, Bar.

ствительною, что изъ него понемногу выбрасываются всякія лишенія, неоправдываемыя настоятельными цѣлями изслѣдованія; мы отдѣляемъ дома предварительнаго задержанія отъ тюремъ карательныхъ, и самымъ различіемъ въ названіи ихъ желаемъ какъ можно сильнѣе сказать, что предварительное задержаніе не есть еще наказаніе, не должно быть съ нимъ смѣшиваемо. Всѣ эти новые взгляды и вообще вся та великая реформа уголовнаго процесса, которая частью уже совершилась, частью еще продолжается на нашихъ глазахъ, совершенно непонятны при взглядѣ на уголовный процессъ какъ на часть кары. Напротивъ, съ точки зрѣнія этого взгляда они ничѣмъ-бы не оправдывались и мѣрамъ уголовнаго процесса слѣдовало-бы сообщать наиболѣе тяжкій карательный характеръ.

Другая теорія пытается найти предѣлы права на вознагражденіе въ процессуальной винѣ личности, въ поведеніи ея во время слѣдствія и суда. Въ такой формѣ предложено было рѣшеніе этого вопроса на зальцбургскомъ (XIII) съѣздѣ германскихъ юристовъ, гдѣ, хотя и незначительнымъ большинствомъ, было принято предложеніе Жака и Штенглейна, гласившее: „лицу, предъявленное противъ котораго уголовное преслѣдованіе взято обратно, или о которомъ состоялся оправдательный приговоръ, назначается за понесенное задержаніе соотвѣтственное вознагражденіе, развѣ-бы предварительное задержаніе или продолженіе его было вызвано собственною виною обвиняемаго во время слѣдствія или суда“ [1]). Таже мысль повторяется и въ предложеніи, внесенномъ въ германскій парламентъ депутатами Ленцманомъ и Филипсомъ,

[1]) Таже мысль въ Германіи раньше защищалась у Heinze, das Recht der Untersuchungshaft 1865 года, который не признавалъ обязанности вознагражденія въ случаяхъ, во 1-хъ, если обвиняемый самъ учинилъ что либо, съ цѣлью вызвать или продолжить задержаніе, напр. ложное самообвиненіе; во 2-хъ, если обвиняемый уклонился отъ суда. На XII, нюрнбергскомъ съѣздѣ германскихъ юристовъ предложеніе Жака, подлежавшее разсмотрѣнію съѣзда, равнымъ образомъ, основывалось на признакахъ процессуальной вины.

недопускающими вознагражденія, „если обвиняемый своимъ поведеніемъ вызвалъ уголовное производство.“ Нѣкоторое признаніе ея встрѣчается даже у писателей, приводящихъ другія условія вознагражденія, именно невинность по обвиненію; такъ и Шварце находитъ неподлежащимъ спору, что въ случаѣ ложнаго самообвиненія, вознагражденіе недолжно имѣть мѣста. Иногда условіе процессуальной невинности требуется совмѣстно съ условіемъ невинности по существу дѣла; такой смѣшанный характеръ носитъ теорія французскаго писателя Bonneville de Marsangy.

При обсужденіи этого взгляда, рѣшающее значеніе имѣетъ юридическая природа примѣняемыхъ судомъ лишеній, то именно, отвѣчаютъ-ли онѣ на вопросъ „за что,“ или на вопросъ „для чего.“ Лишенія перваго рода относятся къ прошедшему, находя въ немъ свое основаніе и свою опредѣленную мѣру; таково наказаніе. Лишенія втораго рода относятся къ будущему; основаніе, мѣра и объемъ ихъ сводятся не къ отдѣльному дѣйствію личности, имѣвшему мѣсто въ прошедшемъ, а къ опредѣленнымъ цѣлямъ государства, преслѣдуемымъ въ будущемъ: таковы привлеченіе къ суду вообще, мѣры пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда въ частности; не имѣя своей причины въ винѣ лица, мѣры этого послѣдняго рода не могутъ и оправдываться виною отдѣльной личности; такъ напр. предварительное задержаніе примѣняется не потому, что обвиняемый пытается уклониться отъ суда бѣгствомъ, или не потому, что онъ пытался войдти въ стачку со свидѣтелями, а для того, чтобы предупредить побѣгъ или стачку. Есть однако случаи, когда и акты судебнаго принужденія опредѣляются за прошедшее, а не въ виду будущаго; таково денежное взысканіе, налагаемое судомъ на неявившихся свидѣтелей; такіе случаи сводятся къ винѣ и вполнѣ оправдываются ею: причина ихъ лежитъ въ дѣйствіяхъ того именно лица, которое имъ подпадаетъ, и за нихъ ни на кого, кромѣ себя, оно претендовать не можетъ.

Но для этого необходимо, чтобъ и мѣра этихъ лишеній опредѣлялась виною, по правиламъ, напередъ въ законѣ установленнымъ; чтобы, другими словами, и по формѣ своей онѣ были взысканіемъ или наказаніемъ, каждый разъ въ опредѣленномъ размѣрѣ назначаемымъ. Поэтому напр. еслибы въ кодексѣ содержалось правило, что обвиняемый за неявку къ суду, попытку побѣга или стачки со свидѣтелями наказывается, положимъ, арестомъ до двухъ недѣль, то арестъ, въ этихъ предѣлахъ назначенный, сводился-бы къ винѣ обвиняемаго и вовсе не оставлялъ-бы мѣста вопросу о вознагражденіи. Но, какъ извѣстно, въ современномъ процессѣ вопросъ этотъ ставится иначе; мѣры пресѣченія если и вызываются дѣйствіями подсудимаго, поведеніемъ его во время разбирательства, однако не какъ причиною, а только какъ поводомъ: поведеніе подсудимаго составляетъ лишь признакъ или указатель того, что опредѣленная мѣра требуется цѣлями уголовнаго изслѣдованія; при этомъ обвиняемый задерживается не на точно указанный въ законѣ срокъ, а безсрочно, пока такая мѣра будетъ оставаться необходимою для цѣлей процеса.

Отсюда вытекаетъ, что поведеніе обвиняемаго во время процесса не можетъ покрывать собою вреда, отъ привлеченія къ суду имъ понесеннаго. Привлеченіе къ суду и связанныя съ нимъ лишенія отвѣчаютъ на вопросъ „для чего“; онѣ назначаются въ виду опредѣленныхъ государственныхъ цѣлей, хотя поводомъ ихъ обыкновенно служатъ дѣйствія отдѣльныхъ лицъ; энергія и вообще тяжесть ихъ для личности опредѣляется значительностью и настоятельностью цѣлей, лежащихъ въ будущемъ, а не важностью дѣйствія, отошедшаго уже къ области прошедшаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, принятіе этой теоріи внесло бы полную неопредѣленность въ ученіе о вознагражденіи и привело бы къ такимъ рѣшеніямъ вопроса о немъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, которыя стояли-бы въ совершенномъ противорѣчіи съ чувствомъ справедливости современнаго человѣка.

Постановка вопроса о процессуальной винѣ выходитъ изъ предположенія, что каждый обвиняемый долженъ содѣйствовать правильному ходу правосудія. Если побѣгъ устраняетъ право на вознагражденіе, то и запирательству, и нескрепности обвиняемаго во время предварительнаго слѣдствія, нельзя не сообщить того же значенія, ибо и этотъ образъ поведенія затягиваетъ дѣло, слѣдовательно ведетъ къ продолжительности задержанія и инымъ мѣрамъ процессуальнаго принужденія. Нужно будетъ идти еще далѣе и признать, что всякое привлеченіе къ суду коренится въ винѣ обвиняемаго, въ томъ именно, что онъ не принялъ достаточныхъ мѣръ предосторожности для того, чтобы, будучи невиннымъ, не навлечь на себя подозрѣнія.

И далѣе: во время производства о немъ уголовнаго дѣла, каждый обвиняемый находится въ болѣе или менѣе возбужденномъ состояніи. Естественное стремленіе къ свободѣ побуждаетъ его принимать всѣ мѣры, направленныя къ тому, чтобы обвиненіе снято было съ него по возможности скорѣе. Значенія этихъ мѣръ весьма часто онъ не понимаетъ; не даетъ вѣрнаго показанія, которое-бы сразу сняло съ него всякое подозрѣніе, потому нерѣдко, что не отдаетъ себѣ точнаго отчета о значеніи для дѣла извѣстныхъ ему обстоятельствъ или опасается раскрыть ихъ по соображеніямъ, совершенно посторонннимъ уголовному дѣлу. Случаями подобнаго рода весьма богата хроника судовъ, и если вознагражденіе условливать процессуальнымъ поведеніемъ, то въ немъ придется нерѣдко отказывать людямъ, совершенно по дѣлу невиннымъ, назначая его людямъ сомнительной репутаціи.

Но привлеченіе къ суду и мѣры пресѣченія обвиняемымъ способомъ уклоняться отъ слѣдствія и суда перестаютъ служить будущему, не могутъ быть болѣе отнесены на счетъ цѣлей правосудія, если судебная власть обманута и побуждается, подъ видомъ этихъ цѣлей, примѣнять ихъ для совершенно иныхъ задачъ. Таковы случаи самообвиненія завѣдомо ложнаго, учиненнаго для того именно, чтобы быть

привлеченнымъ къ суду. Мѣры процессуальнаго принужденія, изъ него вытекающія, имѣя лишь кажущееся отношеніе къ правосудію, не могутъ дать мѣста вопросу о вознагражденіи. Но не потому, что онѣ послѣдовали по процессуальной винѣ подсудимаго, а потому, что въ данномъ случаѣ въ дѣйствительности вовсе не было уголовно-процессуальнаго разбирательства: былъ только обликъ его, частнымъ, личнымъ цѣлямъ служившій.

Такимъ образомъ, предѣловъ вознагражденія за привлеченіе къ суду оправданныхъ нельзя найдти ни въ степени невинности по обвиненію, ни въ отсутствіи на сторонѣ обвиняемаго процессуальной вины. Всѣ оправданные по суду, каковы бы ни были мотивы оправданія ихъ, каково бы ни было поведеніе ихъ во время процесса, если только процессъ происходилъ въ дѣйствительности, а не замѣнялся обликомъ его, имѣютъ право на вознагражденіе за привлеченіе къ суду вообще, за предварительное задержаніе въ частности; ограниченія этого права не могутъ быть усмотрѣны ни въ виновности по дѣлу, ни въ поведеніи при процессѣ.

Но отъ вопроса о существованіи права на вознагражденіе вреда слѣдуетъ отличать вопросъ о способахъ такого вознагражденія, наиболѣе цѣлесообразныхъ и возможныхъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ.

Вредъ отъ привлеченія къ суду происходитъ не непосредственно, а посредственно, отъ того именно, что привлеченіе къ суду сопровождается извѣстнымъ позоромъ, а также извѣстнымъ стѣсненіемъ личности, что ведетъ къ потерѣ времени, заработка, къ утратѣ должности, къ необходимости расходовъ по дѣлу для вызова свидѣтелей и т. под. Такимъ образомъ, ближайшій вредъ, отъ привлеченія невинно къ суду происходящій и подлежащій возмѣщенію, есть идеальныя послѣдствія привлеченія къ суду. Для лицъ зажиточныхъ, достаточныхъ, возмѣщеніемъ его можно и ограничиться, такъ какъ пособіе, даваемое невинно къ суду уголовному привлекаемымъ, есть лишь распредѣленіе бремени подсудимости, черезъ чуръ

тяжелаго для одного лица; но для зажиточныхъ имущественная сторона этого бремени нечувствительна, и старанія общества могутъ ограничиться идеальною его стороною. Кромѣ того, матерьяльное вознагражденіе за вредъ, отъ привлеченія къ суду происходящійся, преслѣдуя лишь задачу облегченія бремени подсудимости, не должно быть источникомъ наживы, обогащенія лицъ, и безъ того пользующихся достаткомъ и не нуждающихся въ имущественной помощи [1]). Весьма важно, затѣмъ, чтобы институтъ вознагражденія, призванный служить дѣйствительнымъ потребностямъ дѣйствительной жизни, былъ способенъ къ возможно большему *индивидуализированію*, обладая достаточною растяжимостью для того, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ давать именно то, что отъ него требуется дѣйствительностью.

Затѣмъ остаются лица недостаточныя, на имущественное благосостояніе которыхъ привлеченіе къ суду отразилось явственно и весьма тяжело. Общественный интересъ и мотивы гуманности требуютъ, чтобъ бремя этой тяжести было облегчено, чтобъ и въ имущественномъ отношеніи имъ было оказано пособіе. Этими лицами и ограничивается имущественный способъ вознагражденія, не распространяясь на прочихъ, въ немъ ненуждающихся.

Такъ, полагаемъ мы, долженъ быть разрѣшенъ вопросъ о государственномъ матерьяльномъ вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлекаемыхъ. При такомъ рѣшеніи устраняются и споры: слѣдуетъ-ли вознаграждать всякій вредъ, или только непосредственный, ближайшій, чувствительный; слѣдуетъ-ли вознаграждать только ущербъ, или и убытки. Даже писатели, высказывающіеся за государственное вознагражденіе въ весьма либеральномъ смыслѣ, по вопросу о размѣрѣ его вводятъ весьма существенныя ограниченія: они не признаютъ обязанности вознагражденія за лицами достаточными,

---

[1]) См. также стр. 77, 78.

настаиваютъ лишь на вознагражденіи необходимомъ и т. п. Мы совершенно согласны съ такими ограниченіями. Безъ нихъ вопросъ о вознагражденіи не можетъ быть поставленъ практически. Но мы думаемъ, что ограниченія эти сводятся къ природѣ самаго вознагражденія за привлеченіе къ суду; оно есть государственное пособіе, даваемое нуждающимся въ ономъ; выплачивается оно государствомъ не какъ должникомъ, а какъ властью; принадлежитъ оно не къ сферѣ права частнаго, а сферѣ права публичнаго.

И такъ: вопросъ права на вознагражденіе рѣшается самымъ фактомъ оправданія [1]), вопросъ о имущественномъ способѣ такого вознагражденія, въ формѣ пособія, рѣшается экономическимъ положеніемъ оправданнаго; признавъ, что оправданный, сверхъ идеальнаго вознагражденія, по экономическому положенію своему нуждается и въ пособіи имущественномъ, судъ выдаетъ ему такое пособіе. На разрѣшеніе свое судъ ставитъ при этомъ не вопросъ о виновности или невиновности по обвиненію, уже разрѣшенный безповоротно другимъ авторитетнымъ установленіемъ и неподлежащій пересмотру,—чѣмъ предупреждается коллизія между органами правосудія и органами, назначающими пособіе. Не ставитъ онъ также вопроса о процессуальной винѣ подсудимаго и потому не рискуетъ пожертвовать справедливостью для формализма. Вопросъ, подлежащій его обсужденію, есть вопросъ о нуждѣ освобожденнаго отъ суда въ пособіи, который можетъ быть рѣшенъ совершенно независимо и отдѣльно отъ уголовнаго дѣла.

---

[1]) Равное значеніе съ оправдательными *приговорами* по вопросу о вознагражденіи имѣютъ и другія судебныя опредѣленія или даже процессуальныя дѣйствія прокуратуры, которыми обвиняемый освобождается отъ преслѣдованія; см. стр. 89, 90.

X.

Покончивши съ вопросомъ, *кто* имѣетъ право на вознагражденіе, мы должны разсмотрѣть теперь, *что* именно подлежитъ матеріальному государственному вознагражденію и *въ какомъ размѣрѣ* оно можетъ быть выдаваемо. Первый изъ нихъ, подобно вопросу о субъектѣ, есть вопросъ принципа; второй—вопросъ цѣлесообразности и практической возможности.

Для рѣшенія вопроса о предметѣ разсматриваемаго вида вознагражденія, главнѣйшую силу имѣютъ слѣдующія соображенія.

Во первыхъ, вознагражденіе за вредъ, какъ идеальное, такъ и матерьяльное, существенно отличается отъ *награды*. Послѣдняя всегда имѣетъ въ виду поощреніе, первое—только искупленіе, преслѣдуя исключительно задачу возмѣщенія нанесеннаго вреда. Поощреніе относится къ будущему, искупленіе къ прошедшему. Это прошедшее—тотъ именно вредъ, который имъ возмѣщается. Въ немъ лежитъ его основаніе, имъ же опредѣляется и его объемъ.

Во вторыхъ, матерьяльное вознагражденіе, въ отличіе отъ идеальнаго, имѣетъ своею задачею исключительно возмѣщеніе вреда матерьяльнаго, имущественнаго, причиненнаго привлеченіемъ къ суду безъ вины. Оно не возмѣщаетъ и не можетъ возмѣщать иныхъ видовъ вреда, кромѣ имущественнаго. Не за позоръ судимости, не за душевныя страданія, съ привлеченіемъ къ суду связанныя, не за тревоги и волненія лицъ близкихъ къ привлеченному назначается оно. *Эти* виды вреда

покрываются вознагражденіемъ идеальнымъ. Матерьяльное вознагражденіе всецѣло исчерпывается вредомъ матерьяльнымъ, насколько онъ въ дѣйствительности причиненъ лицу, невинно къ суду уголовному привлеченному. Отсюда получается и формула для такого вознагражденія: оно есть (опредѣляемое государствомъ денежное) *возмѣщеніе имущественнаго вреда, привлеченіемъ невинно къ суду причиненнаго.*

Для того, слѣдовательно, чтобы такое вознагражденіе могло имѣть мѣсто, необходимо: а. чтобы произошелъ имущественный вредъ, и б. чтобы онъ произошелъ именно отъ **привлеченія невинно къ суду.**

Ad a. Вредъ отъ привлеченія къ суду имѣется въ наличности, если лицо, къ суду уголовному привлеченное, утратило вслѣдствіе того какія нибудь экономическія цѣнности или время, имѣющее значеніе экономической цѣнности. Посему:

во первыхъ, наличность вреда должна быть доказана;

во вторыхъ, отъ доказаннаго вреда, дающаго право на вознагражденіе, слѣдуетъ отличать неисполненіе надеждъ, хотя-бы онѣ не осуществились именно отъ привлеченія къ суду, такъ какъ надежда не можетъ составлять юридическаго основанія какого бы то ни было иска. Таковы напр. случаи неполученія, вслѣдствіе привлеченія къ суду, ожидавшагося мѣста, или какой либо иной имущественной прибыли, на которую надѣялся привлеченный къ суду;

въ третьихъ, не можетъ подлежать вознагражденію потеря времени, которое въ данномъ случаѣ не имѣетъ значенія экономической цѣнности; положеніе это примѣнимо къ бродягамъ и вообще лицамъ, которымъ чужды какія либо опредѣленныя, правильныя занятія, совмѣстныя съ правовымъ строемъ гражданскаго общества, напр. къ занимающимся преступленіями, проституціею и тому подобное.

Ad б. Изъ необходимости причинной связи между привлеченіемъ къ суду и вредомъ, подлежащимъ вознагражденію, вытекаетъ:

во первыхъ, нѣтъ мѣста вознагражденію, если самое привлеченіе къ суду было результатомъ намѣренной дѣятельности обвиняемаго, служа въ дѣйствительности не задачамъ правосудія, а какимъ нибудь личнымъ, эгоистическимъ цѣлямъ обвиняемаго [1]); напр. при явкѣ съ повинной, которая оказалась несогласною съ добытыми производствомъ данными, или когда нѣсколько лицъ сговорились выступить передъ судомъ въ качествѣ обвинителей и обвиняемыхъ для того именно, чтобы затѣмъ воспользоваться вознагражденіемъ, слѣдующимъ привлеченному къ суду;

во вторыхъ, не подлежатъ вознагражденію расходы, необходимость которыхъ для дѣла не установлена; напр. расходы жены на поѣздки для свиданія съ задержаннымъ мужемъ и т. под. Но при рѣшеніи этого вопроса слѣдуетъ имѣть въ виду, что обвиняемый и близкія къ нему лица, производя расходы по дѣлу, находятся въ состояніи угнетенномъ, и потому необходимость для дѣла произведенныхъ расходовъ должна быть установляема съ надлежащею снисходительностью;

въ третьихъ, не подлежитъ возмѣщенію вредъ отъ привлеченія къ суду, если съ такимъ привлеченіемъ было вполнѣ совмѣстимо устраненіе его. Положеніе это для интересующаго насъ вопроса имѣетъ огромную важность. Та сумма лишеній, которая соединяется съ состояніемъ подсудимости, даже въ самыхъ тяжкихъ его формахъ, доходящихъ до лишенія свободы, не уничтожаетъ, однако, права привлеченнаго на распоряженіе своимъ имуществомъ. Существенное отличіе новаго процеса отъ стараго, инквизиціоннаго, и состоитъ въ томъ, что первый изъ нихъ заботится о возможномъ совмѣщеніи гражданской правоспособности и даже дѣеспособности съ ограниченіями личности, необходимыми въ виду привлеченія ея къ суду. Лично или черезъ представителей, привлеченный къ суду можетъ продолжать распоряжаться своимъ имуществомъ, и всѣ акты его въ этомъ отношеніи имѣютъ силу, равную съ актами каж-

[1]) См. выше стр. 71.

даго инаго гражданина. Отъ государства можно требовать наиболѣе широкаго обезпеченія совмѣстимости такой дѣеспособности съ привлеченіемъ къ суду, но было-бы совершенно неправильно возлагать на государство отвѣтственность и за тотъ вредъ, который произошелъ отъ того, что привлеченный къ суду не воспользовался или неудачно воспользовался правами, которыя за нимъ оставались. Забота о принятіи мѣръ, способныхъ оградить имущественные интересы привлеченнаго къ суду, лежитъ на немъ самомъ, и для этого ему оставляется достаточная сумма правъ. Землевладѣлецъ, даже будучи заключенъ подъ стражу, сохраняетъ право сдѣлать всѣ распоряженія, необходимыя для надлежащаго хода его хозяйства, избравъ для этого довѣренное лицо, давъ ему надлежащія наставленія и указанія. Банкиръ, ведущій коммерческія операціи, вслѣдствіе привлеченія къ суду не лишается права продолжать ихъ черезъ своихъ представителей. Можно желать, чтобъ возможность распоряженія и управленія своимъ имуществомъ за лицами, къ суду уголовному привлекаемыми, была обезпечена еще болѣе, чѣмъ нынѣ; чтобы напр. даже лицамъ задержаннымъ было предоставлено, безъ излишнихъ для дѣла стѣсненій, сноситься со своими управляющими и довѣренными возможно чаще; но возлагать отвѣтственность за распоряженія и дѣйствія ихъ на государство не представляется никакихъ основаній. По этому вопросу въ литературѣ существуетъ полное единогласіе, въ томъ именно смыслѣ, что банкиры, торговцы и вообще капиталисты не могутъ претендовать, въ случаѣ привлеченія ихъ къ суду, на государственное вознагражденіе за разстройство ихъ торговыхъ оборотовъ или за недоборъ прибылей. Ясно, что такимъ отвѣтомъ значительно облегчается практическое разрѣшеніе вопроса о вознагражденіи за невинно понесенный вредъ подсудимости, такъ какъ отъ права на такое вознагражденіе разъ на всегда устраняются претензіи наиболѣе крупныя [1]).

[1]) Другое основаніе устраненія ихъ, а именно то, что вознагражденіе, имѣя характеръ государственнаго пособія, должно ограничиваться лицами наиболѣе неимущими и не можетъ быть источникомъ наживы, приведено выше: см. стр. 72 и 73.

Но за приведенными естественными изъятіями, всякій-ли вредъ, привлеченіемъ къ суду въ чужомъ имуществѣ причиненный, подлежитъ матерьяльному вознагражденію со стороны государства?

По этому вопросу литература далека отъ единогласія. Не только представители такъ называемой теоріи снисхожденія (Billigkeits-Theorie), но и тѣ, которые считаютъ вознагражденіе строго правовою обязанностью государства, не находятъ возможнымъ предоставлять его потерпѣвшему за всякій вредъ, понесенный имъ отъ привлеченія къ суду, въ полномъ объемѣ. Одни (Шварце) ограничиваютъ его вредомъ *матерьяльнымъ*, въ смыслѣ вполнѣ осязаемаго имущественнаго ущерба. Другіе идутъ еще дальше, признавая подлежащимъ вознагражденію лишь вредъ *важный*, *положительный* (Киселингъ), *чувствительный или значительный* (Цукеръ), или даже стремясь установить tempus modicum, до истеченія котораго привлеченіе къ суду и даже личное задержаніе не подлежатъ вознагражденію (Писсенъ). Одни желаютъ вознаграждать тѣхъ только привлеченныхъ къ суду, которые были лишены свободы (Цукеръ, Гейнце); другіе ставятъ вопросъ шире и требуютъ вознагражденіе за всякій вредъ, отъ привлеченія къ суду происшедшій. Одни хотятъ вознаграждать только оправданныхъ послѣ торжественнаго судебнаго разбирательства по существу; другіе признаютъ болѣе правильнымъ обезпечить вознагражденіе всякому лицу, которое, бывъ привлечено къ суду, затѣмъ освобождено, по опредѣленію ли судебной власти или даже по распоряженію прокуратуры. Одни имѣютъ въ виду вознаграждать только за ущербъ (damnum emergens), отъ привлеченія къ суду происшедшій, другіе—и за послѣдовавшіе отъ сего всякаго рода убытки (lucrum cessans). Для разрѣшенія всѣхъ этихъ трудностей высказывается мнѣніе, что законодатель поступитъ всего лучше, воздержавшись отъ всякаго отвѣта на вопросъ, за что слѣдуетъ опредѣлять вознагражденіе, и всецѣло предоставивъ его суду, не давая ему въ руководство никакого критерія.

Всѣ эти ограниченія представляются произвольными, не

лежащими въ существѣ института, къ которому онѣ относятся, и потому не могутъ быть приняты.

Наиболѣе часто, и въ законодательствѣ швейцарскихъ кантоновъ, и въ предложеніяхъ, обогатившихъ въ новѣйшее время германскую литературу, встрѣчается отказъ отъ твердаго и яснаго рѣшенія вопроса о томъ, какой именно вредъ подлежитъ возмѣщенію государственнымъ вознагражденіемъ. Довольствуются предоставленіемъ суду давать лицамъ невинно къ суду уголовному привлеченнымъ, „соотвѣтственное“, „надлежащее“ или „умѣренное“ вознагражденіе. Но никакого критерія суда для опредѣленія, за что именно слѣдуетъ вознаграждать, чѣмъ измѣрять объемъ вознагражденія, не указывается. Такъ, и въ предложеніи депутатовъ Филипса и Лепцмана избирается этотъ путь, а средствомъ обезпеченія необходимаго единообразія судебной практики, по мнѣнію ихъ, должно служить то, что на рѣшенія отдѣльныхъ судовъ могутъ быть приносимы жалобы въ одинъ общій для всего государства судъ, который призванъ играть руководительную, объединяющую роль. Однако, такое, хотя и весьма часто встрѣчающееся рѣшеніе [1]) этого вопроса, не можетъ быть признано правильнымъ, и возраженія, приведенныя противъ него Кронекеромъ, заслуживаютъ полнаго вниманія. Чего не знаетъ законъ, не знаетъ и судъ. Отсутствіе соотвѣтственныхъ указаній въ законѣ лишитъ судебную власть возможности мотивировать свои опредѣленія по этому вопросу; а опредѣленіе безъ мотивовъ становится административнымъ приказомъ, переставая быть актомъ судебнымъ. Такая система неизбѣжно приведетъ къ коренимъ разнорѣчіямъ въ судебной практикѣ, къ зависимости просителя отъ личныхъ взглядовъ, убѣжденій и предубѣжденій каждаго судьи. Горю не поможетъ и рекомендуемый этими депутатами контроль надъ всѣми судебными мѣстами, который, по предложенію ихъ, долженъ быть сосредоточенъ въ одномъ высшемъ судѣ. Во-

[1]) Если только его можно признать рѣшеніемъ; скорѣе слѣдуетъ сказать что этотъ исходъ, разрубая вопросъ, не рѣшаетъ его.

просъ о вознагражденіи есть вопросъ въ высшей степени конкретный, рѣшить его правильно можетъ только органъ, стоящій близъ дѣла, а не вдали отъ него; сверхъ того, предоставляя рѣшеніе его „свободному усмотрѣнію суда“, неправильно вмѣстѣ съ тѣмъ установлять пересмотръ состоявшагося рѣшенія высшимъ судомъ по жалобѣ; свободное усмотрѣніе есть дѣло совѣсти, не подлежащее контролю. Іерархическія отношенія къ нему не примѣнимы. Не разрѣшая и даже не разсѣкая наличныхъ трудностей, эта система значительно увеличиваетъ ихъ.

И такъ, критерій для опредѣленія вреда, подлежащаго возмѣщенію государственнымъ пособіемъ, долженъ быть данъ самимъ закономъ.

Различаютъ, далѣе, два вида вреда: ущербъ, или вредъ положительный (damnum emergens), и убытки или вредъ отрицательный (lucrum cessans). Объ ущербѣ при привлеченіи невиннаго къ суду можетъ быть рѣчь тогда лишь, если вслѣдствіе этого факта потерпѣвшій потерялъ, утратилъ какую либо имущественную цѣнность, дотолѣ ему принадлежавшую. Сюда относятся взысканныя съ него судебныя издержки, понесенные имъ путевые и иные расходы, необходимые по дѣлу. Но очевидно, что если бы только къ этимъ случаямъ относилось матерьяльное вознагражденіе, то вопросъ о немъ никогда не могъ бы получить того высокаго практическаго значенія, какое онъ нынѣ имѣетъ. Общественный интересъ сообщаетъ ему не столько прямой, положительный вредъ, въ имуществѣ привлекаемаго происходящій, сколько то, что такимъ привлеченіемъ къ суду отрываются отъ ихъ обычныхъ занятій массы рабочаго люда, что отъ нихъ ускользаетъ тотъ заработокъ, который они, оставаясь на свободѣ, могли бы принести семьѣ. Лишеніе же такого заработка составляетъ не вредъ положительный, прямой, а вредъ не прямой, убытки. Покрытіе ихъ составляетъ центръ тяжести матерьяльнаго вознагражденія, и выдѣлять ихъ изъ понятія вреда, возмѣщенію подлежащаго, мы не видимъ никакихъ основаній.

Совершенно произвольно и ограниченіе этого вреда „зна-

чительнымъ", „чувствительнымъ" или „важнымъ". Въ пользу такихъ признаковъ нельзя привести никакихъ сколько нибудь вѣскихъ соображеній, кромѣ того лишь, что бремя матеріальнаго вознагражденія желательно сдѣлать для государственнаго казначейства какъ можно болѣе легкимъ. При всей его важности, это соображеніе не имѣетъ, однако, рѣшающаго голоса; иначе слѣдовало бы вовсе воздержаться отъ постановки вопроса о матеріальномъ вознагражденіи. Предложеніе такихъ условій матерьяльнаго вознагражденія въ основаніи своемъ имѣетъ мысль, будто бы каждое лицо до извѣстнаго предѣла обязано жертвовать своими личными благами на пользу общую, и только лишенія, свыше такихъ предѣловъ понесенныя, даютъ ему право требовать раскладки избытка вреда. Всего образнѣе мысль эта выразилась въ предложеніи Нюссена, который желаетъ въ самомъ законѣ установить тотъ срокъ, до истеченія котораго состояніе подъ судомъ и даже задержаніе невознаграждаемо. Однако, мысль эта ошибочна въ самомъ корнѣ, такъ какъ не можетъ быть рѣчи о гражданской повинности состоять подъ судомъ, а тѣмъ болѣе подвергаться личному задержанію по уголовнымъ обвиненіямъ. Поэтому здѣсь неумѣстна и аналогія съ законами о вознагражденіи свидѣтелей, которое дается лишь при извѣстной дальности разстоянія: повинность къ свидѣтельству передъ судомъ можетъ быть установлена путемъ теоріи и постановленій положительнаго законодательства. Противъ разсматриваемыхъ условій слѣдуетъ, далѣе, указать и на крайнюю ихъ неопредѣлительность, которая должна будетъ привести къ широкому, ничѣмъ неограниченному произволу при установленіи ихъ въ законѣ и судебной практикѣ. Взгляды судебныхъ мѣстъ на чувствительность или значительность вреда могутъ быть въ высшей степени разнообразны, и потому, не довольствуясь указаніемъ этого признака въ общемъ его очертаніи, законодательству, для обезпеченія единообразія судебной дѣятельности, пришлось бы опредѣлить самую *цифру*, до которой понесенный вредъ не могъ бы подлежать вознагражденію. А между тѣмъ, вредъ, представляющійся неважнымъ, не-

чувствительнымъ, незначительнымъ для однихъ лицъ, другихъ можетъ приводить къ совершенному экономическому разоренію, представляясь для нихъ крайне чувствительнымъ. Съ другой стороны, установленіе цифроваго минимума вознаграждаемаго государствомъ вреда повело бы къ совершенному извращенію излагаемаго института, задача котораго — придти на помощь самымъ неимущимъ, небольшою, но своевременною поддержкою удержать ихъ на дорогѣ честной жизни: государственное матерьяльное вознагражденіе должно быть расчитано на массы бѣднаго рабочаго люда, списки-вающаго себѣ пропитаніе трудомъ своихъ рукъ и вынужденнаго дорожить каждымъ часомъ трудовой жизни. Центръ тяжести вопроса, его огромная государственная важность, лежитъ именно въ томъ, чтобы облегчить бремя привлеченія къ суду такимъ наиболѣе нуждающимся лицамъ, которыя безъ того поставлены бы были въ печальную необходимость уклониться на путь порока и преступленій. Высокій въ этомъ отношеніи интересъ представляютъ данныя, опубликованныя Гейеромъ о практикѣ государственнаго вознагражденія въ различныхъ кантонахъ Швейцаріи [1]). Приводимъ эти данныя, дополняя ихъ свѣдѣніями, собранными нами лѣтомъ текущаго года.

Въ кантонѣ Аргау обвинительная камера опредѣлила матерьяльное вознагражденіе на основаніи § 278 устава угол. суд. въ слѣдующемъ объемѣ для каждаго отдѣльнаго случая: [2]).

---

[1]) Geyer Noch einige Bemerkungen uber die Entschadigung für unschuldig erlittene Untersuchungshaft und Strafhaft, въ Gerichtssaal 1882 т. 34 т. 5.

[2]) § 278. Если обвиненіе признано неумѣстнымъ или прекращено прокуратурою, то обвиняемый освобождается. Обвинительная камера въ этомъ случаѣ **можетъ назначить обвиняемому вознагражденіе.**

Годы.	№№	Существо обвиненія.	Число дней задержанія.	Сумма вознагражденія въ франкахъ.	
				каждому лицу	всѣмъ вмѣстѣ.
1872	1	Кража.	60	25	25
	2	Поджогъ.	31	15	15
	3	Кража.	61	25	25
	4	Поджогъ.	6	14	14
	5	Поджогъ.	41	75	75
	6	Поджогъ.	51	40	80
			51	40	
1873	7	Поджогъ.	85	100	350
			85	100	
			85	100	
			45	50	
	8	Кража.	30	25	25
	9	Поджогъ.	62	60	60
	10	Поджогъ.	3	20	20
1874	12	Износилованіе.	12	30	30
	13	Кража.	37	38	38
	14	Кража.	4	20	20
1875	15	Кража.	1	3	3
	16	Поджогъ.	20	30	30
	17	Кража.	57	60	60
	18	Кража.	71	150	300
			71	150	
	19	Кража.	6	20	20
	20	Кража.	22	30	30
	21	Кража.	3	15	15
	22	Мошенничество	14	100	100
	23	Кража.	3	6, 67	20
			6	13, 33	
	24	Соблазнъ.	7	25	25

Годы.	№№	Существо обвиненія.	Число дней задержанія.	Сумма вознагражденія въ франкахъ.	
				каждому лицу.	всѣмъ вмѣстѣ.
1876	25	Поврежденіе имущества.	88	122	122
	26	Кража.	53 11	82, 84 17, 16	100
	27	Поджогъ.	59 51	147, 50 76, 50	224
	28	Убійство.	7	21	21
	29	Поджогъ.	20	20	20
	30	Кража.	8	8	8
1877	31	Разбой.	48	96	96
	32	Убійство.	5 5	10 10	20
	33	Кража.	31	77, 50	77, 50
	34	Поджогъ.	34	64	64
	35	Поврежденіе имущества.	6 6	12, 50 12, 50	25
	36	Поджогъ.	60	50	50
	37	Соблазнъ.	80	80	80
1878	38	Кража.	112	150	150
	39	Кража.	4	6	6
	40	Кража.	47	70	70
	41	Поджогъ.	52	90	90
	42	Кража.	3	50	50
	43	Убійство.	38 38	50 60	100
	44	Поджогъ.	44 51 44	88 76, 50 66	230, 50
	45	Поджогъ.	31	70	70
1879	46	Поджогъ.	55 55	50 50	100
	47	Кража.	31	60	60
	48	Кража.	60	60	60
	49	Мошенничество.	13	30	30
	50	Присвоеніе.	10 10	40 50	90

Годы.	№№	Существо обвиненія.	Число дней задержанія каждаго лица.	Сумма вознагражденія въ франкахъ.	
				Одному лицу.	Всѣмъ.
1880	51	Поджогъ.	38	50	50
	52	Поджогъ.	49	49	49
	53	Соблазнъ.	31	31	31
	54	Кража.	3	10	10
	55	Кража.	15	30	30
1881 [1])	56	Мошенничество	41	45	45
	57	Поджогъ.	70	100	100
	58	Поджогъ.	32	64	64
	59	Лжеприсяга.	4	25	25
	60	Поджогъ	21	50	50
	61	Поджогъ.	16 32	40 64	104

Итого за 10 лѣтъ, по 61 обвиненію, 77 обвиняемымъ, за проведенные ими въ заключеніи 2684 дня, выдано 4022 франка вознагражденія. Въ тоже самое время, суды кантона Аргау, разрѣшавшіе дѣла по существу, на основаніи § 364 устава угол. судопр. [2]), опредѣлили выдать 770 франковъ вознагражденія за 630 дней задержанія по 7 обвиненіямъ; въ нѣкоторые годы (1872, 1875, 1876, 1879, 1881), случаевъ присужденія вознагражденія вовсе не было. Общій расходъ на матеріальное вознагражденіе составляетъ здѣсь **въ годъ 1 франкъ на 344 жителя.**

Въ кантонѣ Базель-уѣздъ, вознагражденіе за невинно понесенное задержаніе было присуждено:

---

[1]) Наши свѣдѣнія немного разнятся отъ данныхъ Гейера. По Гейеру, въ 1881 г. обвинительная камера кантона Аргау выдала всего 568 fr. вознагражденія; по нашимъ свѣдѣніямъ, эта цифра доходитъ до 437 fr. См. Jahres-Bericht des Aarganischen Kriminal-Gerichts für das Jahr 1881, стр. 21.

[2]) § 364: „въ случаѣ оправданія судъ рѣшаетъ, слѣдуетъ-ли выдать обвиняемому вознагражденіе и въ какомъ размѣрѣ.

Въ 1872 году	4	лицамъ,	всего	94	франка.
— 1873 —	10	—	—	351	—
— 1874 —	4	—	—	118	—
— 1875 —	1	—	—	21	—
— 1876 —	1	—	—	8	—
— 1877 —	1	—	—	36	—
— 1878 —	7	—	—	147	—
— 1879 —	3	—	—	220	—
— 1880 —	1	—	—	15	—
— 1881 —	2	—	—	50	—

Всего 34 лица получили 1060 франковъ; это составляетъ 106 франковъ годоваго расхода, т. е. по 1 франку на 500 жителей.

Въ кантонѣ Базель-городъ опредѣлено вознагражденіе:

Въ 1872 году	4	лицамъ,	всего	57	франковъ.
— 1873 —	4	—	—	100	—
— 1874 —	7	—	—	263	—
— 1875 —	3	—	—	72	—
— 1876 —	4	—	—	55	—
— 1877 —	2	—	—	105	—
— 1878 —	4	—	—	200	—
— 1879 —	3	—	—	75	—
— 1880 —	—	—	—	—	—
— 1881 —	1	—	—	60 [1])	—
— 1882 —	4	—	—	52 [2])	—

Итого за 11 лѣтъ 38 лицамъ опредѣлено 1039 фр. вознагражденія, что составляетъ ежегодно менѣе 100 франковъ, или по 1 франку почти на 600 жителей.

Въ кантонѣ Фрейбургъ вознагражденіе, съ 1870 по 1882 г., было назначено только въ 8 случаяхъ, составивъ всего 460 фр.

---

[1]) У Гепера ошибочно показано 10 фр.; ср. Bericht der Appellationsgericht des Kantons Basel-Stadt за 1881, стр. 49.

[2]) См. означенные Berichte за 1882, стр. 52.

20 с. (1 франкъ на 2400 жителей въ годъ); наименьшій размѣръ его для одного лица былъ 20 фр., наибольшій—120 фр.

Въ Граубинденѣ, съ 1874 по 1882 г., на вознагражденіе 10 лицъ, подвергшихся задержанію и впослѣдствіи оправданныхъ или освобожденныхъ отъ суда, издержано 1382 франка; оно колебалось для каждаго отдѣльнаго случая въ границахъ отъ 50 до 300 франковъ. Годовой расходъ составлялъ 138 франковъ (1 франкъ на 673 жителя).

Въ кантонѣ Шафгаузенъ на матеріальное вознагражденіе издерживается лишь около 14 фр. ежегодно, т. е. 1 франкъ на 2714 жителей.

Въ кантонѣ Швицъ, съ 1874 по 1878 годъ, получили вознагражденіе 9 лицъ, отъ 30 до 400 фр., всего 1290 франковъ, т. е. ежегодно 1 франкъ на 387 жителей.

Солотурнъ издерживаетъ на матеріальное вознагражденіе невинно къ суду уголовному привлеченнымъ болѣе, чѣмъ всѣ остальные кантоны Швейцаріи, а именно:

Въ	1872	году	965 франковъ.
—	1873	—	1.087 —
—	1874	—	1.242 —
—	1875	—	1.211 —
—	1876	—	1.495 —
—	1877	—	1.071 —
—	1878	—	1.601 —
—	1879	—	2.607,60 —
—	1880	—	2.932,70 —
—	1881	—	2.300,60 —

Итого за 10 лѣтъ 16.512 франковъ 90 сантимовъ, слѣдовательно ежегодно 1651 фр., что составляетъ 1 франкъ на 46 жителей.

Въ кантонѣ Тюргау, съ 1872 по 1881 годъ, обвинительная камера назначила вознагражденіе 11 лицамъ, частью за задержаніе, частью за путевые расходы и потерю времени, всего въ количествѣ 155 франковъ, а судъ присяжныхъ, за

тотъ же періодъ времени, выдалъ вознагражденіе двумъ оправданнымъ, всего 1350 фр. (одному 50 и другому 1300 фр.).

Въ кантонѣ Унтервальденъ, въ теченіи послѣднихъ 10 лѣтъ, выдано вознагражденіе лишь въ двухъ случаяхъ: одному лицу 70 и другому 120 фр.

Въ кантонѣ Ваадтландъ, съ 1872 по 1881 годъ, вознагражденіе выдано 37 лицамъ, всего въ количествѣ 1593 фр., что составляетъ ежегодно 1 франкъ на 1469 жителей.

Въ кантонѣ Цугъ, за послѣдніе 10 лѣтъ, вознагражденіе выдано (изъ 12 оправданныхъ) 5 лицамъ, въ количествѣ 330 фр.; это составляетъ годовой расходъ 33 фр., или по 1 франку на 670 жителей.

Въ кантонѣ Цюрихъ, съ 1875 по 1881 г., обвинительною камерою вознагражденіе выдано 134 лицамъ, всего въ количествѣ 2.432 франковъ; а судами присяжныхъ, за тоже время, вознагражденіе опредѣлено 2 лицамъ, всего въ количествѣ 215 фр.

Изъ этихъ интересныхъ данныхъ страны, уже издавна практикующей институтъ государственнаго вознагражденія, ограничимся пока однимъ выводомъ: необходимость его, признаваемая судебными мѣстами, существуетъ не только и даже не столько въ случаяхъ вреда значительнаго, сколько въ случаяхъ вреда, выражаемаго весьма небольшими цифрами. Въ кантонѣ Аргау признавали нужнымъ выдавать вознагражденіе за 6, 5, 3 и даже 1 день заключенія. Въ кантонѣ Тюргау судебныя мѣста нашли нужнымъ опредѣлить вознагражденіе въ 5 фр. за путевые расходы, и также въ 5 фр. за *поль-сутокъ* задержанія. Наибольшая часть суммы, издерживаемой на матеріальное вознагражденіе, приходится на случаи, гдѣ вредъ отъ привлеченія къ суду представлялся, выраженный цифровымъ путемъ, весьма небольшимъ.

Но насколько произвольнымъ является ограниченіе вознагражденія вредомъ значительнымъ или чувствительнымъ, настолько-же не выдерживаетъ критики и предложеніе ограничить его случаями постановленія судомъ оправдательнаго приговора. Вредъ, понесенный освобожденнымъ отъ суда до

разбирательства дѣла по существу, ничѣмъ не отличается отъ вреда, понесеннаго оправданнымъ. Лица первой категоріи, можно даже сказать, имѣютъ болѣе данныхъ на полученіе вознагражденія, чѣмъ лица второй категоріи, такъ какъ неосновательность привлеченія ихъ къ суду оказалась столь явною, что для этого не потребовалось и торжественнаго судебнаго разбирательства. Многознаменательнымъ представляется тотъ фактъ, вытекающій изъ приведенныхъ выше данныхъ швейцарской статистики, что обвинительныя камеры даютъ вознагражденіе несравненно чаще, чѣмъ суды, разрѣшающіе дѣла по существу. Если-же освобожденіе отъ суда, подобно оправданію, составляетъ достаточное для матеріальнаго вознагражденія основаніе, то при этомъ безразлично, состоялось ли такое освобожденіе въ порядкѣ судебнаго опредѣленія (обвинительной камеры), или по распоряженію обвинительной власти, признаваемой къ тому компетентною.

Наконецъ, остается упомянуть еще объ ограниченіи государственнаго вознагражденія случаями лишенія свободы. Несомнѣнно, что въ такихъ случаяхъ, какъ представляющихъ собою наиболѣе тяжкое стѣсненіе личности, матеріальное вознагражденіе представляется наиболѣе настоятельнымъ. Ясно также, что финансовыя соображенія государственнаго казначейства могутъ побудить, особенно на первое время, довольствоваться вознагражденіемъ за вредъ, причиненный этою, наиболѣе тяжкою для личности мѣрою привлеченія къ суду. Но не подлежитъ также сомнѣнію, что вредъ отъ привлеченія къ суду можетъ имѣть мѣсто независимо отъ личнаго задержанія. Отказывать въ вознагражденіи его было бы невѣрно со стороны логической и несправедливо со стороны юридической. Нельзя отрицать, въ самомъ дѣлѣ, что имущественныя лишенія при привлеченіи къ суду возможны и безъ задержанія, напр. издержки на вызовъ свидѣтелей, на полученіе копій, на приглашеніе защитника и т. под.; и такъ какъ, по справедливому замѣчанію Шварце, расходы эти обвиняемый дѣлаетъ обыкновенно въ состояніи угнетенномъ, разстроенномъ, а

причина ихъ лежитъ единственно въ привлеченіи его къ суду, то не только нѣтъ основанія отказывать въ вознагражденіи ихъ, а слѣдуетъ даже относиться въ высшей степени снисходительно къ тѣмъ доказательствамъ, которыя понесшій ихъ можетъ представить суду. Такъ, уже нынѣ въ Швейцаріи судебныя мѣста опредѣляютъ вознагражденіе даже такимъ привлеченнымъ къ суду лицамъ, которыя не подвергались заключенію, на покрытіе путевыхъ расходовъ или въ видѣ платы за потерю времени [1]).

XI.

Вопросъ о *размѣрѣ* матерьяльнаго вознагражденія, помимо стороны юридической, имѣетъ весьма важную для практическаго разрѣшенія его сторону политическую.

Юридическая сторона его въ высшей степени проста. Вредъ, отъ привлеченія къ суду понесенный, подлежитъ возмѣщенію въ томъ размѣрѣ, въ какомъ онъ понесенъ. При чемъ слѣдуетъ имѣть въ виду то тяжелое, угнетенное состояніе обвиняемаго, въ которомъ онъ дѣлаетъ разные расходы, условленные привлеченіемъ его къ суду, и которое создаетъ невозможность требовать отъ него строго убѣдительныхъ доказательствъ указываемой имъ цифры вреда. Съ этой точки зрѣнія, и установленіе въ законѣ точныхъ цифровыхъ предѣловъ подлежащаго выдачѣ вознагражденія представляется неумѣстнымъ: максимумъ, достаточный для однихъ случаевъ, для другихъ можетъ оказаться крайне низкимъ. Вѣрный отвѣтъ о надлежащемъ пополненіи дѣйствительно понесеннаго вреда можетъ дать только свободное, не связанное предуста-

[1]) Совершенно справедливо замѣчаетъ Gerneth, Ostreichisches Zentralblatt für die juristische Praxis (№ 1 что хотя задержаніе есть важнѣйшее зло причиняемое привлеченіемъ къ суду, но матерьяльное вознагражденіе должно имѣть мѣсто и за иныя лишенія вытекающія изъ подсудимости: нельзя, однако, распространеніе ихъ за предѣлы лишенія имущественныхъ, которое у него встрѣчается.

повленными доказательствами, обсужденіе каждаго отдѣльнаго случая. Къ такому положенію приходятъ и всѣ новѣйшія предложенія по этому вопросу въ Германіи; его же держатся швейцарскія законодательства. Вопросъ о размѣрѣ вознагражденія предоставляется повсюду свободному усмотрѣнію суда, на основаніи оцѣнки каждаго случая по внутреннему убѣжденію.

Однако, такое рѣшеніе стояло-бы въ соотвѣтствіи съ юридической природой вознагражденія тогда только, если-бы на судъ была возложена обязанность изслѣдовать дѣйствительный размѣръ вреда въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и согласно ему опредѣлить размѣръ вознагражденія; если-бы, другими словами, судъ, свободный въ оцѣнкѣ доказательствъ, былъ связанъ цифрою доказаннаго вреда. На самомъ дѣлѣ мы видимъ иное. Суду предоставляется свобода не только въ оцѣнкѣ доказательствъ, но и въ рѣшеніи вопроса о соотношеніи между размѣромъ вознагражденія и размѣромъ понесеннаго вреда. Признавъ, что вредъ отъ привлеченія къ суду достигалъ напр. 5000 руб., судъ можетъ размѣръ вознагражденія опредѣлить въ 50 руб. и даже менѣе. Мало того: судъ не обязанъ даже входить въ изслѣдованіе вопроса о размѣрѣ вреда, отъ привлеченія къ суду понесеннаго; онъ можетъ довольствоваться опредѣленіемъ размѣра вознагражденія, и ничто въ системѣ швейцарскаго законодательства и въ смыслѣ новыхъ германскихъ предложеній не обязываетъ его изслѣдовать размѣръ вреда, отъ привлеченія къ суду понесеннаго. Ясно, что въ такой постановкѣ судебная дѣятельность, опредѣляющая вознагражденіе, существенно отличается отъ дѣятельности суда въ гражданскомъ процессѣ, который, опредѣляя отвѣтственность за вредъ, обязанъ прежде всего установить размѣръ вреда, въ основаніи иска лежащаго.

Сообщеніе суду, рѣшающему вопросъ о вознагражденіи за вредъ подсудимости, такого положенія, объясняется значительною примѣсью къ юридической сторонѣ этого вопроса стороны политической. Именно благодаря ей, характеръ судебной дѣятельности въ разсматриваемыхъ случаяхъ прибли-

жается къ дѣятельности административной, съ весьма широкимъ просторомъ для субъективнаго усмотрѣнія.

Эта политическая сторона вопроса выражается:

во 1-хъ, въ невозможности для государственнаго казначейства удовлетворить въ полномъ размѣрѣ невинно понесеннаго вреда всякое лицо, къ суду уголовному привлекавшееся; и

въ 2-хъ, въ служеніи института государственнаго вознагражденія задачъ политическаго свойства—возможно болѣе равномѣрному распредѣленію тягостей подсудимости, подлежащихъ облегченію главнымъ образомъ по отношенію къ лицамъ, наиболѣе въ томъ нуждающимся и по своей экономической необезпеченности наиболѣе требующимъ государственной о себѣ заботы, для того, чтобы остаться на дорогѣ честной жизни, не уклоняясь на путь преступленій.

При предоставленіи суду широкаго простора по вопросу о размѣрѣ вознагражденія имѣлось и имѣется въ виду, что судъ съ надлежащею осторожностью отнесется къ интересамъ государственнаго казначейства, опредѣляя возможно болѣе скромныя цифры вознагражденія. Но при этомъ совершенно естественно ставится вопросъ: вмѣсто того, чтобы вводить столь широкую административную струю усмотрѣнія въ судебную дѣятельность, не лучше-ли въ самомъ законѣ установить тѣ низшій и высшій размѣры, въ предѣлахъ которыхъ можетъ двигаться судъ? Не обезпечитъ-ли такой способъ рѣшенія вопроса и интересы фиска, и интересы къ суду привлеченныхъ, гораздо надежнѣе и точнѣе, особенно въ странахъ, которыя еще не знакомы съ практикою разсматриваемаго института и не успѣли запастись достаточнымъ опытомъ?

Мы имѣемъ подобный примѣръ въ исторіи нашего гражданскаго процеса. По прежнему, дореформенному законодательству, выигравшая дѣло сторона имѣла право взыскивать съ противника всѣ протори и убытки по дѣлу; размѣра ихъ законъ не опредѣлялъ. Такое правило, однако, оказалось весьма неудобнымъ; иногда протори бывали крупнѣе цифры самого иска; съ другой стороны, представленіе доказательствъ о дѣйствительности и размѣрѣ ихъ было очень трудно. По-

вое законодательство поставило вопросъ совершенно иначе: оно ввело опредѣленный масштабъ для опредѣленія размѣра процесуальныхъ убытковъ, понесенныхъ выигравшею дѣло сторопою, установивъ, что сверхъ судебныхъ издержекъ (т. е. гербовыхъ пошлинъ, судебныхъ пошлинъ, канцелярскихъ пошлинъ и сборовъ по производству дѣла: ст. 839 уст. гр. суд.), ей возвращаются и расходы за веденіе дѣла по таксѣ, опредѣленной для вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ (ст. 868 уст. гр. суд.; гр. к. р. 1869 № 983). Правда, масштабъ этотъ страдаетъ искуственностью; но несомнѣнная выгода его — значительное упрощеніе вопроса, представлявшагося безконечнымъ источникомъ споровъ и кляузническихъ исковъ по прежнему законодательству.

Въ видахъ тѣхъ же практическихъ выгодъ, и въ дѣлахъ уголовныхъ, гдѣ быстрота разбирательства требуется еще настоятельнѣе, размѣръ вознагражденія невинно къ суду привлеченныхъ могъ-бы быть опредѣленъ: 1) цифрою судебныхъ издержекъ и путевыхъ расходовъ, надлежащимъ образомъ доказанною, плюсъ 2) цифра стоимости времени, потерянпаго вслѣдствіе привлеченія къ суду, въ частности, вслѣдствіе личнаго задержанія, по примѣрной таксѣ, установленной самимъ закономъ въ низшемъ и высшемъ ея предѣлахъ. Такъ, для нашихъ условій за каждый потерянный день можно было бы опредѣлить отъ 10 копѣекъ до 2 рублей, или даже — для облегченія государственнаго казначейства — отъ 5 копѣекъ до 1 рубля. Расчетъ этотъ основанъ на томъ, что годовая плата работницѣ и нянѣ во многихъ мѣстностяхъ Россіи составляетъ около 30 рублей, работнику — около 50—60 рублей; а такъ какъ огромное большинство обвиняемыхъ принадлежитъ къ рабочему населенію, то ежедневное вознагражденіе въ 10 коп. для женщины и въ 15—20 коп. для мущины будетъ составлять общее правило, къ цифрамъ же менѣе или болѣе крупнымъ судебныя мѣста будутъ прибѣгать лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ.

Вопросъ о *порядкѣ* опредѣленія матерьяльнаго вознагражденія за вредъ подсудимости представляется немаловажнымъ.

Для правильнаго разрѣшенія его необходимо: 1) чтобы органомъ его былъ судъ, близко знакомый съ личностью обвиняемаго и съ обстоятельствами производившагося о немъ дѣла; 2) чтобы обращеніе къ такому суду не было для обвинявшагося сопряжено съ значительными трудностями, которыя могли бы сдѣлать фиктивнымъ, недосягаемымъ для наиболѣе нуждающихся, весь институтъ вознагражденія; 3) чтобы и самое производство въ дѣлахъ такого рода было по возможности менѣе обременено сложными формальностями и обрядностями. Этими началами опредѣляется порядокъ присужденія вознагражденія въ странахъ, которыя уже примкнули или примыкаютъ къ разсматриваемому институту.

Право просить о вознагражденіи принадлежитъ лицу, понесшему вредъ отъ привлеченія къ суду; безъ требованія его и вопросъ о немъ не можетъ быть поставленъ судомъ ex officio. Оно должно быть предоставлено и наслѣдникамъ лица, потерпѣвшаго отъ привлеченія къ суду, какъ совершенно вѣрно заключила коммисія, образованная при германской палатѣ депутатовъ подъ предсѣдательствомъ Шварце [1]). Предъявленіе просьбы о вознагражденіи можетъ быть личное или че-

[1]) Для разсмотрѣнія предложенія депутатовъ Филипса и Ленцмана, при германском палатѣ образована была коммисія подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго нѣмецкаго юриста Шварце. Лѣтомъ текущаго 1883 года, коммисія эта напечатала свой подробный отчетъ, подъ заглавіемъ: Bericht der zehnten Kommission uber den derselben zur Vorberatung uberwiesenen von den Abgeordneten Dr Phillips und Lenzmann eingebrachten Gesetzentwurf (Drucksachen des Reichstags 5 Legislatur periode. II Session 1882, № 267). Здѣсь получили дальнѣйшее развитіе уже знакомые намъ взгляды Шварце; проектъ коммисіи, высказываясь въ пользу матерьяльнаго вознагражденія, допускаетъ его не только при отсутствіи вины по дѣлу но и по условіямъ поведенія въ процессѣ. Ходатайство о вознагражденіи здѣсь формулируется какъ «добавочная часть уголовнаго дѣла» (Annexum der Strafsache) вознагражденіе опредѣляется уголовною камерою земскаго суда или судомъ имперскимъ которые могутъ назначить опредѣленный срокъ для предъявленія ходатайства о немъ. Относительно наслѣдниковъ § 19 проекта коммисіи постановляетъ: «предъявленное ходатайство по смерти предъявителя можетъ быть поддержано супругомъ его родственниками въ восходящей и нисходящей линіи, родными братьями или сестрами. Судъ можетъ назначить срокъ, въ теченіи котораго лица сіи, подъ опасеніемъ потери своего права, обязаны заявить, желаютъ ли они поддерживать ходатайство или нѣтъ.—Лица сіи имѣютъ также

резъ посредство защитника [1]). Формальнымъ условіемъ ея можетъ быть постановленіе о томъ, чтобы такая просьба была предъявлена суду въ опредѣленный срокъ; но и въ теченіи разбирательства уголовнаго дѣла обвиняемому или его защитнику слѣдуетъ предоставить право ходатайствовать о судебномъ удостовѣреніи понесенныхъ издержекъ и необходимости ихъ для дѣла.

Нежелательно, однако, требовать, чтобы ходатайство о вознагражденіи всегда было предметомъ особаго иска, или особаго судебнаго разбирательства. Напротивъ, для облегченія потерпѣвшаго ему слѣдуетъ предоставить заявлять такое ходатайство при томъ-же разбирательствѣ, которое имѣетъ содержаніемъ своимъ уголовное его обвиненіе, подобно тому напр., какъ по дѣйствующему законодательству нашему, одновременно съ разборомъ уголовнаго дѣла обвиняемый можетъ просить о признаніи обвиненія недобросовѣстнымъ и о возложеніи на него судебныхъ издержекъ. Но наравнѣ съ этимъ обвинявшемуся, который не успѣлъ предъявить своего ходатайства о вознагражденіи въ такомъ порядкѣ, необходимо предоставить право предъявлять его по окончаніи уголовнаго дѣла. Въ первомъ случаѣ, судебное опредѣленіе о вознагражденіи входитъ въ силу не прежде того, когда исчерпаны всѣ способы обжалованія состоявшагося опредѣленія или приговора по существу; во второмъ случаѣ самое предъявленіе ходатайства о вознагражденіи можетъ быть поставлено въ зависимость отъ того, чтобы оправдательный приговоръ или освобождающее отъ суда судебное опредѣленіе не подлежали болѣе обжалованію.

Компетентнымъ судомъ для разрѣшенія просьбъ о вознагражденіи представляется тотъ уголовный судъ, который раз-

---

право предъявить самостоятельное ходатайство о вознагражденіи, въ установленный закономъ срокъ, если до истеченія его потерпѣвшій предъ отъ привлеченія къ суду умеръ, не предъявивъ такого ходатайства».

[1]) Этотъ вопросъ затронутъ и разрѣшенъ утвердительно и у Jacobi Wahrheitsermittelung im Strafverfahren und Entschadigung unschuldig Verfolgter. Berlin 1883.

смотрѣвшій данное уголовное дѣло или который постановилъ по существу его не подлежащіе обжалованію приговоръ или опредѣленіе. Таковы мировой судья, мировой съѣздъ, окружной судъ, судебная палата, въ качествѣ обвинительной камеры или апелляціонной инстанціи. Судебный слѣдователь, не имѣющій по нашему законодательству права постановлять судебныхъ опредѣленій по существу дѣла, не можетъ быть признанъ компетентнымъ и для постановленія рѣшеній о вознагражденіи.

При обсужденіи этого вопроса, суду слѣдуетъ предоставить право возбуждать и вопросъ о томъ, не произошелъ-ли вредъ отъ привлеченія къ уголовному дѣлу, вполнѣ или частью, по винѣ должностныхъ лицъ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, постановляя о вознагражденіи потерпѣвшаго изъ государственныхъ суммъ, вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлять отвѣтственность должностнаго лица передъ государственнымъ казначействомъ [1]).

Во всякомъ производствѣ о вознагражденіи желательно участіе прокуратуры, заключенія которой выслушиваются судомъ.

Мы не только не видимъ никакихъ препятствій къ допущенію пересмотра судебныхъ постановленій о вознагражденіи за привлеченіе къ суду, но даже признаемъ его крайне полезнымъ, какъ по протестамъ прокуратуры, такъ и по жалобамъ лица, ходатайствующаго о выдачѣ вознагражденія. Такой пересмотръ возможенъ, такъ какъ судъ, разсматривающій ходатайство о возвращеніи, призванъ рѣшить вопросъ, стоящій отдѣльно отъ уголовнаго дѣла [2]). Онъ полезенъ, ограничивая единоличное усмотрѣніе судей и обезпечивая столь важное въ дѣлахъ этого рода единообразіе практики. По природѣ своей, онъ всегда болѣе приближается къ пересмотру судебныхъ опредѣ-

---

[1]) Или передъ земствомъ, если выдача вознагражденія произведена изъ земскихъ не очищалъ, что было бы правильно по дѣламъ, вѣдаемымъ мировыми судебными установленіями.

[2]) См. выше стр. 23 и 24.

леній въ порядкѣ частныхъ жалобъ и протестовъ. Правило объ ограниченіи его двумя инстанціями можетъ быть принято и для дѣлъ этого рода.

Уплативъ вознагражденіе, государство тѣмъ самымъ получаетъ право иска къ лицамъ, по винѣ которыхъ произошелъ вредъ, понесенный отъ привлеченія невинно къ суду. Лица эти могутъ быть частныя или должностныя, и отвѣтственность ихъ передъ государствомъ можетъ быть установляема въ общемъ порядкѣ гражданскаго судопроизводства. Исключеніе составятъ, однако, тѣ случаи, когда вина такихъ лицъ имѣетъ уголовно-юридическій характеръ, требующій разсмотрѣнія въ порядкѣ уголовнаго судопроизводства.

XII.

Въ заключеніе настоящей монографіи остается сказать нѣсколько словъ объ экономической сторонѣ изложеннаго вопроса. Утвердительное рѣшеніе его, быть можетъ и желательное теоретически, симпатичное для интересовъ свободы личности и единственно достойное высокаго положенія государственнаго правосудія, не представляется-ли совершенно непосильнымъ бременемъ для государственнаго казначейства?

Прямыхъ доказательствъ для отвѣта на этотъ вопросъ по отношенію къ нашему отечеству, еще не знающему института матерьяльнаго государственнаго вознагражденія, конечно, не существуетъ. Его, поэтому, приходится рѣшить на основаніи „косвенныхъ уликъ“.

Таковы прежде всего данныя о положеніи его въ странахъ, гдѣ институтъ государственнаго матерьяльнаго вознагражденія уже практикуется. По вычисленіямъ Гейера, обнимающимъ десятилѣтній періодъ, въ различныхъ кантонахъ Швейцаріи для него потребовалось ежегодно отъ плательщиковъ:

въ кантонѣ	Солотурнъ	1 франкъ на	46 жителей
„ „	Аарґау	„ „ „	344
„ „	Швицъ	„ „ „	387
„ „	Тюргау	„ „ „	480

„	„	Базель-уѣздъ	1 франкъ	на	500
„	„	Базель-городъ	„	„	587
„	„	Цюрихъ	„	„	600
„	„	Цугъ	„	„	666
„	„	Граубинденъ	„	„	673
„	„	Унтервальденъ	„	„	789
„	„	Ваадтъ	„	„	1469
„	„	Фрейбургъ	„	„	2391
„	„	Шафгаузенъ	„	„	2714

Здѣсь въ совершенно исключительномъ положеніи стоитъ Солотурнъ, издерживающій на вознагражденіе невинно къ суду уголовному привлеченныхъ выдающуюся крупную сумму. Но и въ Солотурнѣ, при такой чрезвычайной щедрости судебныхъ его установленій, сумма эта составляетъ всего около 2 сантимовъ въ годъ на каждаго жителя, т. е. менѣе 1 коп. сер. даже при теперешнемъ курсѣ. Вычисленная же въ среднемъ для всѣхъ кантоновъ Швейцаріи, она сводится къ величинѣ крайне ничтожной, составляющей 1 франкъ на 895 жителей (безъ Солотурна 1 франкъ на 965 жителей), т. е. на каждаго плательщика для покрытія этого расхода приходится ежегодно около $^1/_{10}$ сантима [1]).

Изъ приведенныхъ вычисленій, конечно, нельзя еще съ увѣренностью заключить, что и въ иныхъ странахъ предоставленное имъ право опредѣлять вознагражденіе невинно къ уголовному дѣлу привлеченнымъ, судебныя мѣста будутъ примѣнять совершенно при тѣхъ условіяхъ и съ тою же осмотрительностью, какъ въ Швейцаріи. Нельзя поэтому не согласиться съ упрекомъ въ поспѣшности, дѣлаемымъ Гейеру, который непосредственно на швейцарскихъ данныхъ дѣлаетъ расчетъ о потребномъ на вознагражденіе бюджетѣ для Германіи, опредѣляя его въ размѣрѣ отъ 150 до 300 тыс. марокъ ежегодно.

---

[1]) Geyer, въ Gerichtsaal т. 34 стр. 341, 342.

Слѣдуетъ, однако, отмѣтить тотъ благопріятный для разсматриваемаго вопроса фактъ, что на опасеніе о чрезмѣрности суммы, потребной для вознагражденія всѣхъ невинно къ суду уголовному привлеченныхъ, болѣе и болѣе устанавливается взглядъ какъ на опасеніе преувеличенное. Лучшимъ этому доказательствомъ служитъ то, что къ утвердительному рѣшенію вопроса о матерьяльномъ вознагражденіи нынѣ настойчиво стремятся уже крупныя государства Европы, каковы Германія и Австрія.

Въ Германіи вопросъ этотъ уже близокъ къ разрѣшенію. Предложеніе депутатовъ Филиппса и Лепцмана повело къ образованію при германскомъ парламентѣ особой коммиссіи, предсѣдательство въ которой поручено Шварце. Коммисія высказалась уже въ смыслѣ, благопріятномъ для Филиппса и Лепцмана.

Подобное же предложеніе внесено въ текущемъ году и въ австрійскій парламентъ отъ лица правительства. Предметомъ своимъ оно имѣетъ пока вопросъ о вознагражденіи невинно осужденныхъ, понесшихъ наказаніе и впослѣдствіи оправданныхъ; но нужно думать, что при обсужденіи въ палатахъ оно получитъ болѣе широкій смыслъ, обнявъ и лицъ, невинно къ суду уголовному привлеченныхъ. Наше предположеніе основывается на томъ, что въ Австріи мысль о вознагражденіи всѣхъ невинно къ уголовному дѣлу привлеченныхъ уже получила значительную популярность, и при разработкѣ ея въ Германіи австрійскіе юристы играли выдающуюся роль. Таковы: Жакъ, Вальбергъ, Цукеръ и другіе.

Обращаясь къ Россіи, мы имѣемъ лишь слѣдующія данныя для того, чтобы судить о вѣроятной суммѣ, которая ежегодно могла бы потребоваться на вознагражденіе невинно къ суду уголовному привлеченныхъ.

По „Своду статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ“ за 1873—1878 годы, отношеніе осужденныхъ общими судебными мѣстами Имперіи къ числу всѣхъ обвиняемыхъ, привлеченныхъ къ предварительнымъ слѣдствіямъ, было слѣдующее:

Годы.	У судебныхъ слѣдователей по производившимся [1]) дѣламъ состояло обвиняемыхъ:		Окружными судами и судебными палатами осуждено.	Изъ привлеченныхъ къ суду оправдано, освобождено отъ суда, передано мировымъ судьямъ и начальству.
	Всего	Въ томъ числѣ подъ стражею.		
	№ 1.	№ 2.	№ 3.	№ 4.
1873	114.761	19.747	14.579	100.182
1874	108.722	19.535	22.169	86.553
1875	103.640	20.482	24.701	78.939
1876	99.964	20.740	25.470	74.494
1877	79.075	19.525	25.973	53.102
1878	77.861	19.577	25.403	52.458
1879	78.500	16.652	27.397	51.103
Итого за 7 лѣтъ.	662.523	136.258	165.692	496.831.
Средняя за годъ.	94.646	19.465	23.670	70.976

Но цифра 70.976, выведенная въ графѣ № 4, значительно выше цифры всѣхъ лицъ не только невинно, но даже неподлежаще привлеченныхъ къ суду, такъ какъ въ нее входятъ всѣ обвиняемыя лица, дѣла о которыхъ слѣдователями, прокуратурою или палатами передаются мировымъ судьямъ, начальству и въ старыя судебныя установленія, и которыя затѣмъ подвергаются между прочимъ и обвинительнымъ приговорамъ. Дѣла этого рода, въ общемъ числѣ дѣлъ, находившихся у судебныхъ слѣдователей, составляли: въ 1873 г. 13,2 %, въ 1874—13,2 %, въ 1875—13,3 %, въ 1876—13 %, въ 1877—12,2 %, въ 1878—13,1 %. Принимая эти отношенія и для семилѣтней средней цифры лицъ, привлеченныхъ къ пред-

[1]) Съ 1877 года число обвиняемыхъ указывается не по всѣмъ производившимся, а лишь по оконченнымъ у слѣдователей дѣламъ.

варительнымъ слѣдствіямъ, и вычитая эти 13 % изъ 94.646 (графа № 1), придется сократить ее до 87 %, сообразно чему и цифра графы № 1 сокращается до 58¹/₂ тысячъ человѣкъ.

Вотъ, слѣдовательно, максимальное число лицъ, привлекаемыхъ къ отвѣтственности въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, которыя могли бы ходатайствовать о вознагражденіи ихъ за такое привлеченіе. Но и это число подлежитъ еще значительнымъ сокращеніямъ.

Во первыхъ, изъ этихъ 58¹/₂ тысячъ едва лишь одна пятая, т. е. около 12 тысячъ человѣкъ, находились подъ стражею; и такъ какъ вознагражденіе, если не исключительно, то главнымъ образомъ, особенно въ первое время, будетъ ограничиваться лишь состоявшими подъ стражею, то общія судебныя установленія ежегодно выдадутъ его отнюдь не болѣе чѣмъ 12 тысячамъ человѣкъ, отъ которыхъ можно ожидать ходатайствъ о вознагражденіи за привлеченіе ихъ къ суду.

Во вторыхъ, даже изъ этого числа отпадетъ весьма значительная часть лицъ, неудовлетворяющихъ условіямъ, необходимымъ для полученія вознагражденія,— или потому, что они достаточно обезпечены въ отношеніи экономическомъ (§ IX), или потому, что время ихъ не имѣетъ значенія имущественной цѣнности (§ X), или потому, наконецъ, что уголовный процессъ въ рукахъ ихъ служилъ не общественнымъ задачамъ правосудія, а ихъ личнымъ эгоистическимъ цѣлямъ (§ IX). Въ виду этихъ соображеній, наибольшее число лицъ, могущихъ надѣяться получить вознагражденіе, по всѣмъ дѣламъ, производящимся въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, составитъ отнюдь не болѣе 10 тысячъ человѣкъ ежегодно.

Но въ какомъ числѣ дней выразится вредъ, понесенный ими отъ привлеченія къ суду? Точныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса наши статистическіе матеріалы не содержатъ. Приблизительно этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ на основаніи слѣдующихъ соображеній.

По свѣдѣніямъ свода за 1875—1879 годы, продолжительность *производства* оконченныхъ уголовныхъ дѣлъ, во всѣхъ инстанціяхъ общихъ судебныхъ мѣстъ, была:

Годы.	Число дѣлъ, продолжавшихся производствомъ:			
	Менѣе 1 мѣсяца.	Отъ 1 до 6 мѣсяцевъ.	Отъ 6 мѣс. до 1 года.	Болѣе 1 года.
1875	8.639	38.045	18.667	22.457
1876	8.259	40.667	21.294	20.501
1877	9.970	38.264	22.540	20.659
1878	9.554	50.586	17.999	14.223
1879	10.465	52.267	18.764	13.171
Итого за 5 лѣтъ.	46.887	219.829	99.264	90.911

Выраженныя въ процентныхъ величинахъ, цифры эти дадутъ слѣдующія отношенія:

На каждые 100 дѣлъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ производствомъ продолжались:

Менѣе 1 мѣсяца	10,2
Отъ 1 до 6 мѣсяцевъ	48,3
Отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года	21,8
Болѣе 1 года	19,7

Такимъ образомъ, средняя продолжительность производства каждаго уголовнаго дѣла во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ составляетъ у насъ менѣе 6 мѣсяцевъ, именно около 5 мѣсяцевъ.

Но для лицъ, освобожденныхъ отъ суда, средняя продолжительность дѣлопроизводства значительно ниже, такъ какъ уже слѣдователи около 40% находящихся у нихъ дѣлъ направляютъ непосредственно въ окружной судъ по ст. 277 уст. угол. суд., т. е. въ порядкѣ, для котораго требуется наименьшій срокъ времени. Сверхъ того, значительное число обвиняемыхъ содержится подъ стражею далеко не въ теченіи всего производства дѣла, а лишь нѣкоторую часть его, освобождаясь затѣмъ на поручительство или даже безъ онаго. По этимъ соображеніямъ, среднюю продолжительность времени, проведеннаго оправданными и освобожденными отъ суда въ заключеніи, слѣдуетъ принять въ размѣрѣ отъ 1½ до 2 мѣсяцевъ.

Положимъ, что всѣ 10 тысячъ человѣкъ потребуютъ вознагражденіе и получатъ его за все время лишенія свободы т. е., по высшей нормѣ, за 20 тыс. мѣсяцевъ. Такъ какъ въ числѣ обвиняемыхъ находится около 15% женщинъ, то $^1/_7$ этого количества должна быть оплачена по разсчету женской рабочей платы (2857 мѣсяцевъ, или 238 лѣтъ, изъ 30 рублей годовой платы, составитъ около 7140 руб.), а $^6/_7$—по разсчету мужской рабочей платы (17143 мѣсяца, или 1429 лѣтъ, изъ 60 рублей годовой платы, составитъ около 85740 руб.); въ результатѣ, это дастъ ежегодный расходъ около 93 тысячъ рублей.

Къ дальнѣйшему понижению этого расхода, можетъ служить: 1) реформа мѣстъ заключенія, такъ какъ если привлекаемые къ суду и во время лишенія ихъ свободы будутъ заняты производительнымъ трудомъ, то при опредѣленіи размѣра вознагражденія судъ будетъ имѣть въ виду цифру заработанной суммы, вычитая ее изъ назначенной цифры вознагражденія; если принять, что каждый заключенный заработаетъ ежедневно лишь 3 коп., то въ мѣсяцъ (вычитая праздники) это составитъ около 80 коп., а въ въ 20 т. мѣсяцевъ—1600 рублей; каждая копѣйка, сверхъ того, дастъ для государственнаго казначейства 550 рублей сбереженій ежегодно;

2) отвѣтственностью передъ государствомъ должностныхъ лицъ за неосновательное задержаніе и медленность въ разбирательствѣ дѣлъ о лицахъ задержанныхъ;

наконецъ 3) отвѣтственностью частныхъ лицъ, по винѣ которыхъ произведено неправильное лишеніе свободы.

Такимъ образомъ, если даже очень щедрою рукою опредѣлять вознагражденіе за вредъ, невинно понесенный отъ *задержанія* всѣми лицами, привлеченными къ суду общихъ судебныхъ мѣстъ, то ежегодный расходъ для этого потребуется не свыше 80 т. рублей во всѣхъ мѣстностяхъ имперіи, гдѣ нынѣ введена судебная реформа.

По дѣламъ же, разсматриваемымъ въ мировыхъ установленіяхъ, цифра эта будетъ значительно ниже, какъ потому, что производство здѣсь гораздо быстрѣе и продолжительность

лишенія свободы, въ среднемъ выводѣ, не превышаетъ 2-хъ недѣль, такъ и потому, что къ личному задержанію мировыя установленія могутъ прибѣгать лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; при расчетѣ на 5 т. человѣкъ, годовой расходъ этой рубрики составитъ около 8 т. руб.

Наконецъ, на мѣстности, гдѣ еще судебная реформа не введена, едва-ли до введенія ея желательно и возможно распространять институтъ вознагражденія. Со времени же введенія ея, и для нихъ на этотъ предметъ потребуется ежегодный расходъ въ размѣрѣ около 90 т. рублей.

Такимъ образомъ, для осуществленія идеи матерьяльнаго вознагражденія за лишеніе свободы, во всей Россіи, потребовался бы ежегодный расходъ въ размѣрѣ менѣе 200 тыс. рублей. Если мы прибавимъ къ этой цифрѣ сумму, потребную на вознагражденіе и тѣхъ лицъ, невинно къ суду уголовному привлеченныхъ, которыя не подвергались задержанію, то максимальный для того расходъ государства составитъ:

для 49 т. человѣкъ [1]) въ мѣстностяхъ, гдѣ нынѣ введены общія судебныя установленія, въ вознагражденіе ихъ за время, потерянное на явку къ суду, считая для каждаго максимумъ по 5 дней, всего за 240 т. дней, или за 8000 мѣсяцевъ, потребуется: для женской части обвиняемыхъ по тому же 30 рублевому расчету въ годъ 2850 руб., для мужской — 34260 руб., всего ежегодно 37.110 рублей;

для однородныхъ случаевъ въ мѣстностяхъ, гдѣ нынѣ еще не введены новыя судебныя установленія, столько же — 37.110 рублей;

по дѣламъ же, подлежащимъ разбирательству мировыхъ установленій, большая часть потребнаго расхода падетъ на частныхъ обвинителей, такъ какъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ существуетъ частное преслѣдованіе, которое можетъ быть оканчиваемо примиреніемъ, нѣтъ достаточнаго основанія возлагать на государство отвѣтственность за вредъ, отъ привлеченія къ суду понесенный; затѣмъ, останутся дѣла, под

[1]) За вычетомъ изъ 58 т. обвиняемыхъ тѣхъ 10 т., которые получатъ вознагражденіе за лишеніе свободы.

лежащія преслѣдованію въ публичномъ порядкѣ, по которымъ ежегодная цифра всѣхъ оправданныхъ составляетъ около 20 тыс. человѣкъ; исключая отсюда состоявшихъ подъ стражею, примемъ, что вознагражденіе будетъ присуждено 10 тыс.; удвоивая эту цифру, въ виду дѣлъ того же рода, о которыхъ въ „сводѣ“ пѣтъ указаній, получаемъ 20 т. человѣкъ, изъ которыхъ каждый на явку къ суду потеряетъ, въ среднемъ, не свыше 2 дней, а всѣ 40.000 дней. равныхъ 1.333 мѣсяцамъ, подлежащимъ вознагражденію. Для женской части обвиняемыхъ это потребуетъ ежегодно 180 руб., а для мужской **5.760 руб., всего 6.240 рублей;**

для тѣхъ же случаевъ въ мѣстностяхъ, гдѣ еще не введены мировыя установленія, плюсъ окраины: привисляпская, прибалтійская и кавказская, положимъ ту же сумму, и тогда ежегодный расходъ на вознагражденіе всѣхъ привлеченныхъ къ суду, по всей Россіи, не подвергшихся личному задержанію, составитъ около 87 т. руб. Что вмѣстѣ съ 200 тыс. рублей, потребными, по представленнымъ выше вычисленіямъ, на вознагражденіе тѣхъ невинно къ суду уголовному привлеченныхъ, которые были лишены свободы, и съ прибавкою даже до 40 тысячъ руб., на покрытіе доказанныхъ по дѣлу судебныхъ и путевыхъ расходовъ обвиняемыхъ [1]), составитъ въ **годъ около 320 т. руб.**

Эти приблизительныя вычисленія скорѣе преувеличены, чѣмъ уменьшены. Такъ, во 1-хъ, по свѣдѣніямъ „свода“ уже и нынѣ замѣчается постепенное уменьшеніе числа лицъ, подвергшихся задержанію по дѣламъ, вѣдаемымъ общими судебными установленіями; при дѣйствіи же института вознагражденія, такое уменьшеніе должно будетъ принять еще болѣе явственный характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ можно будетъ ожидать значительнаго пониженія продолжительности самого за-

[1]) См. выше стр. 116; превысить показанные въ текстѣ 40 т. р расходъ этотъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ, такъ какъ по дѣламъ уголовнымъ судебныя издержки доведены до минимума, а путевые расходы подлежатъ возмѣщенію лишь немногимъ обвиняемымъ, жительствующимъ въ большомъ разстояніи отъ **мѣста засѣданій суда.**

держанія. Этотъ результатъ, въ высшей степени желательный съ точки зрѣнія уголовнаго правосудія вообще, долженъ будетъ значительно понизить и сумму государственныхъ расходовъ, потребныхъ на вознагражденіе невинно къ суду уголовному привлеченныхъ; 2) по дѣламъ, подлежащимъ разбирательству мировыхъ судебныхъ установленій, расходъ на вознагражденіе невинно къ суду уголовному привлекаемыхъ, для облегченія государственнаго казначейства, могъ-бы быть обращенъ на земскіе финансовые источники; впрочемъ, изъ какого-бы кармана онъ ни покрывался, все-таки въ концѣ концовъ онъ ложится на государственное богатство, и потому мы не видимъ въ этомъ перемѣщеніи источниковъ какого-либо сбереженія дѣйствительнаго, а лишь мѣру, могущую облегчить въ отношеніи техническомъ введеніе этого института и контроль за правильнымъ опредѣленіемъ вознагражденія; наконецъ 3) какъ выше замѣчено, институтъ вознагражденія можно и даже слѣдуетъ ограничить тѣми мѣстностями, гдѣ введены новыя судебныя установленія въ полномъ объемѣ, что сразу уменьшаетъ потребный для того ежегодный расходъ на половину, низводя его до весьма скромной въ государственномъ бюджетѣ цифры менѣе 160 тысячъ рублей ежегодно. И это—при вычисленіяхъ несомнѣнно преувеличенныхъ; смѣло можно сказать, что въ дѣйствительности расходъ этотъ не дойдетъ и до половины показанной цифры.

Принимая затѣмъ общее населеніе мѣстностей, гдѣ введены новыя судебныя установленія, въ 50 милліоновъ [1]) и исключая женское населеніе, какъ неучаствующее въ уплатѣ податей, мы получаемъ, что для покрытія ежегоднаго расхода въ 150.000 рублей, на каждаго мущину придется 0,62 копѣйки въ годъ. Если затѣмъ примемъ, что населеніе, способное къ уплатѣ государственныхъ повинностей, составляетъ лишь одну треть мужскаго населенія, то и въ такомъ случаѣ окажется, что, при самомъ щедромъ исчисленіи расхода, потребнаго на вознагражденіе невинно къ суду уго-

[1]) Въ дѣйствительности, оно нѣсколько выше.

ловному привлеченныхъ, для покрытія его потребуется отъ каждаго способнаго плательщика *менѣе 2 копѣекъ въ годъ.*

Эту жертву со стороны поцатнаго населенія едва ли можно считать непосильною. Если нашъ государственный банкъ не затрудняется нынѣ выдавать изъ меркантильныхъ цѣлей четыре раза въ годъ 200-тысячные выигрыши, то не можетъ быть, нельзя ни на минуту допустить, чтобы государственное казначейство признало непосильною для себя уплату суммы, не вполнѣ достигающей цифры одного изъ такихъ выигрышей, для дѣла первостепенной государственной важности.

Неисчислимы благодѣтельныя стороны осуществленія идеи государственнаго матерьяльнаго вознагражденія за вредъ, невинно отъ привлеченія къ уголовному суду понесенный. Оно въ высшей степени необходимо для лицъ, къ суду уголовному привлекаемыхъ; создавая болѣе равномѣрное распредѣленіе бремени подсудимости, вознагражденіе снимаетъ слишкомъ значительный вѣсъ его съ лицъ, наиболѣе въ томъ нуждающихся, и избавляетъ ихъ отъ печальной необходимости знакомиться съ голодною пищею, или, для отысканія средствъ жизни, обращаться на путь преступленій. Содѣйствуя уменьшенію числа послѣднихъ, оно сторицею оплачиваетъ обществу расходъ, который на него потребовался: уменьшается число потерпѣвшихъ отъ преступленій, сокращаются и государственныя издержки на дорого стоющую тюремную систему. Съ увѣренностью можно сказать, что, нерѣдко, своевременно оказанная помощь въ одинъ рубль, доставитъ обществу, въ лицѣ отдѣльныхъ его членовъ и государственнаго казначейства, тысяче-рублевыя сбереженія. Въ связи съ этимъ, институтъ вознагражденія неизбѣжно поведетъ къ ускоренію производства уголовныхъ дѣлъ, заставитъ осмотрительнѣе и лишь въ предѣлахъ дѣйствительной необходимости примѣнять суровую мѣру послѣдственнаго задержанія, и вызоветъ установленіе надлежащаго контроля за судебными установленіями и органами обвинительной власти,

въ рукахъ которыхъ сосредоточено привлеченіе къ суду и производство уголовныхъ дѣлъ.

Запросъ настоятельный на государственное вознагражденіе невинно къ суду уголовному привлеченныхъ сквозитъ въ каждомъ постановленіи новаго, реформированнаго уголовно-процессуальнаго законодательства, вытекаетъ изъ точнаго смысла и разума его. Мы отрѣшились отъ взгляда инквизиціоннаго процесса на обвиняемаго исключительно какъ на предметъ изслѣдованія, какъ на какой-то безличный и безправный матеріалъ, подлежавшій всякаго рода судебнымъ экспериментамъ безотвѣтственно и безгласно, въ виду высокихъ задачъ раскрытія матеріальной истины. Мы признали обвиняемаго стороною въ дѣлѣ, прислушиваемся къ его интересамъ, назначаемъ ему защитника, предоставляемъ ему въ процессѣ положеніе, равное съ обвинителемъ. Мы оставили далеко за собою пытки и наказанія за ослушаніе суда (Ungehorsamsstrafen), и даже съ большимъ недовѣріемъ смотримъ на признаніе обвиняемаго. Словомъ, новый состязательный процессъ видитъ въ обвиняемомъ живую личность, полноправную и заслуживающую человѣческаго отношенія, и даже предварительное слѣдствіе болѣе и болѣе стремится къ этому типу процесса. Но, какъ остатокъ прошлаго, переживший себя (survival), до сихъ поръ держится принципъ полнаго безправія лицъ, привлеченныхъ къ уголовному суду и подвергавшихся самымъ тяжкимъ его мѣрамъ. Въ самомъ дѣлѣ, что, какъ не тяжелое наслѣдіе печальной памяти инквизиціоннаго процесса, представляетъ собою эта картина полнаго пренебреженія къ правамъ человѣка, вынесшаго рядъ лишеній отъ привлеченія его къ суду? Не ясно-ли въ ней тѣсное, близкое родство съ тѣмъ порядкомъ процесса, который, подвергнувъ всевозможнымъ экспериментамъ матеріалъ, изображавшійся личностью обвиняемаго, затѣмъ проходилъ мимо его съ полнымъ пренебреженіемъ? И не ясно-ли, что процессъ состязательный, построенный на уваженіи къ личности обвиняемаго, долженъ покончить съ этимъ послѣднимъ наслѣдіемъ инквизиціоннаго процесса,—безправіемъ относительно

несомнѣннаго факта вреда, привлеченіемъ къ суду причиненнаго,—остающимся до нынѣ лишь по недоразумѣнію? Стихъ поэта, приведенный девизомъ настоящей монографіи, понятенъ при процесѣ инквизиціонномъ; но онъ не можетъ, не долженъ имѣть мѣста при процесѣ состязательномъ.

Но едва ли не важнѣе всѣхъ приведенныхъ благодѣтельныхъ сторонъ института вознагражденія нравственная его сторона для цѣлаго государства. Нынѣ, при порядкѣ безправія личности, цѣлямъ правосудія служившей, государство какъ бы заявляетъ, что правосудіе немыслимо безъ тяжелыхъ жертвъ, безмездно требуемыхъ на алтарь его, что оно достигается лишь цѣною неправды. Каждый изъ насъ, пользующійся благами правосудія, не можетъ не сознавать, что они покупаются цѣною лишеніями, тщетно взывающими о вознагражденіи. Такимъ образомъ, самое правосудіе становится факторомъ несправедливости. Это—тяжелое, мучительное сознаніе для человѣка современной культуры, высшій нравственный законъ которой—запрещеніе жить на чужой счетъ. Оно не можетъ не отравлять каждую минуту пользованія благами, даваемыми правосудіемъ. Выходъ изъ этого роковаго положенія, примиреніе современнаго человѣка съ уголовнымъ правосудіемъ, можетъ дать только институтъ вознагражденія за вредъ, невинно отъ привлеченія къ суду понесенный. Судебное производство, преслѣдуя правовыя цѣли, должно избирать для этого и правовые пути. Вредъ, имъ причиненный, долженъ находить юридическое уравненіе въ вознагражденіи, и только при этомъ условіи мы можемъ освободиться отъ тяжелой мысли, будто бы правосудіе можетъ быть достигаемо не иначе, какъ цѣною самой явной, самой вопіющей неправды. „Желательно-ли, — заключимъ приведенными уже словами Бентама,—чтобы зло, причиненное учрежденною для преслѣдованія зла юстиціею, оставалось неискупленнымъ?“

4. VI. 1904.

Другія сочиненія автора:

Мошенничество по русскому праву. Сравнительное изслѣдованіе. С.-Петербургъ 1871 г. ц. 2 р. 50 к.

Русская карательная система. 1875 г. ц. — 50 к.

Моменты исторіи законодательства печати. (*) СПБ. 1875. ц. 1 р.

Вліяніе временъ года на преступность. Опытъ соціальнаго діагноза преступленій. ц. 1 р.

Mémoire sur la nomenclature internationale des délits en général et sur la statistique de la récidive. S-Petersbourg 1876. ц. 75 к.

Программа для собиранія народныхъ обычаевъ по уголовному праву. 1878 г. ц. 10 к.

Оправдательныя рѣшенія присяжныхъ засѣдателей и мѣры къ ихъ сокращенію (*) 1880 г. ц. 75 к.

Ссылка на западѣ. 1881 г. ц. 2 р. 50 к.

Управленіе въ русской ссылкѣ. ц. 75 к.

Къ вопросу о (современной русской) ссылкѣ. ц. 50 к.

Предварительное слѣдствіе и его реформа. 1882 г. ц. 50 к.

Печатается:

Курсъ русскаго уголовнаго судопроизводства т. I.

Выписывающіе отъ автора, С.-Петербургъ, Университетъ, за пересылку не платятъ. Сочиненія, означенныя звѣздочками, уже разошлись.

2007056023